

Сергей
Котов

РОДНЯ И ЗЕМЛЯКИ

СИДЕЛЬНИКОВЫ

Сидельниковы тоже приходились нам соседями. Они жили в доме напротив, окна их дома смотрели прямо в наши окна. У них был ухоженный дом с голубыми ставенками, большой двор, хороший огород и несколько яблонь, растущих за домом. Николай Серафимович был высокий статный мужчина с волевым характером и добрым сердцем. Когда у дяди Коли было хорошее настроение, он выходил на улицу, садился на лавочку рядом с нами, угощая нас конфетами, и художественным свистом исполнял известную мелодию. Как красиво и мелодично он умел свистеть! Родом он был из казаков. Частенько встречались в его речи слова нам непривычные и у нас не употребляемые, с каким-то кавказским оттенком: «абрек», «черкес» и прочие. Сидельниковы жили в Сарабели, но откуда попали они сюда, на Иртыш, мне не известно. Сначала они жили в другом краю Ново-Тимофеевки, где начинается наше село, недалеко от въезда в него. Там прошла счастливая семейная жизнь молодой семьи Сидельниковых. Если бы кто-то сказал, что эту крепкую семью ждут страшные потрясения, то этому бы тогда никто не поверил. А тогда для них было другое небо и другая земля потому, что были они счастливы, все только начиналось. Говорили, что красивая была пара Николай и Нина Сидельниковы ... Она была стройной, красивой женщиной, а он – высокий, видный мужчина. Она работала дояркой, была передовиком, а он – зоотехником. Родила она мужу трех сыновей – Николая, Сашку и Василия. Васька учился со мной в одном классе, хоть и был старше меня на год. Он с первых классов вытянулся вверх и был выше всех нас на голову. Он был широк в кости, силен, одним словом, рос крепким мальчишкой. Васька в нашем классе был негласным лидером, смелым, ловким, умел терпеливо переносить боль. Однажды, это было еще в первом классе, на перемене он свалился на улице со спортивного снаряда и повредил руку. Здоровой рукой придерживая больную, он самостоятельно дошел до больницы, где выяснилось, что у него перелом руки. При этом он не

Окончание. Начало в №№2, 3, 7, 2016.

проронил ни слезинки. А во втором классе, когда он стоял со знаменем на каком-то пионерском мероприятии, у него закружилась голова. Учительница вовремя увидела это и попросила поменять знаменосца. Когда знамя было передано из рук в руки, Васька тут же упал без сознания. Мы все в ту пору мечтали быть юными Мальчишами-Кибальчишами, а Василий был нашим предводителем.

Васька Сидельников был мне настоящим другом, поэтому многое, что случилось в его семье, происходило на моих глазах. Там, на другом краю села, где родился мой друг, в их семье произошел какой-то надлом, раскол, слом, который его родители не смогли пережить. В селе жизнь каждого человека от его рождения и до смерти протекает на глазах односельчан. Они сочувствуют, помогают, иногда суют нос, куда не следует, но никогда не бывают равнодушными к своим односельчанам. Трагедия семьи Сидельниковых происходила на виду у всего села. Чаще говорили о том, что Николай Серафимович стал выпивать, и вовлекать в свои участвовавшие выпивки жену. Она быстро привыкла к алкоголю и никак не могла остановиться. Старшие сыновья уже учились в старших классах, а младший только пошел в школу. Он больше всех пострадал в семейной трагедии. Отец, не желая больше жить с «алкоголичкой», нашел себе другую женщину и переехал в другой дом, на улицу Ленина, забрав с собой младшего сына. Старшие сыновья к той поре уже жили самостоятельно, Ваське же пришлось жить с мачехой. Вторая жена Николая Серафимовича, Анна Дмитриевна, была у нас учителем химии. Высокая, нескладная, крупная женщина внешне уступала подтянутому стройному мужу. Заурядная наружность и привычка к одиночеству не помешали ее позднему недолгому счастью. Вскоре у них родилась дочь Танюшка. И без того непросто было Ваське ужиться с мачехой, а теперь и забота о сестре свалилась на его руки. Анна Дмитриевна совершенно не умела вести хозяйство, плохо готовила и не знала, как управляться с дитём, в общем, была человеком к жизни не очень приспособленным. Однажды вечером, возвращаясь с огорода, она на моих глазах сорвала с яблони неспелое яблочко и, сюсюкая перед Танюшкой, сидящей на руках у Васи, угостила дочку фруктом. Естественно, результатом такого угощения стало расстройство живота у ребенка. Винаватым почему-то оказался Василий. С появлением Танюшки прекратилось Васькино детство, он был нянькой, подсобным рабочим, вечно за что-нибудь наказанным. Было целым праздником для него и для нас, когда Василия отпускали на улицу на пару часов.

Иногда к их дому подходила Васькина мать. Это была уже запитая, потерявшая облик женщина. В голове не укладывалось, что еще несколько лет назад она была красивой, жизнерадостной и счастливой. Подошла к крепким воротам, весело разукрашенным руками своего мужа. Слабым голосом позвала она своего мужа, окликнула сына. Эту забитую, измученную женщину всякий раз вело сюда ее материнское сердце. Она выпрашивала сына, а когда ей отказывали, умоляла, чтобы ей его хотя бы показали. Рвалась собака на цепи, выходил дядя Коля. Первое время он уговаривал ее к ним не ходить, а потом силою доводил до перекрестка, отгонял от дома. И она покорно уходила. Даже со стороны видеть такое – страшная душевная мука. А каково было это пережить другу моему, Ваське. После одного из последних таких посещений, отец отпустил Ваську на улицу. Мы сидели вдвоем на бревне возле нашей ограды. Он сидел с непокрытой головой и плакал. Единственный раз, когда я видел его слезы. Я не знал, чем помочь другу, снял с себя шапку и одел Ваське на голову, чтобы ему было теплей.

Не прошла бесследно для дяди Коли его семейная трагедия. Возможно, он чувствовал за собой вину перед первой женой, держал это все внутри. Васька, закончив восьмой класс, вырвался из дома и уехал в Самарку, в училище. Той же осенью дядя Коля Сидельников разбился на мотоцикле возле соседнего села Заготзерно. Ему было всего 48 лет. Его похороны пришлось на Васькин день рождения – 31 октября. Овдовев, Анна Дмитриевна уехала к себе на родину под Семипалатинск.

В настоящее время на месте дома Сидельниковых – глухой пустырь, лишь обломки фундамента да остатки битого кирпича напоминают о том, что здесь когда-то жили люди.

УЛИЦА ЛЕНИНА

Моя любимая улица, которая снится мне ночами. Во сне она такая же, как и в детстве – полна ребятни, веселого гомона, все дома еще целы. Горько просыпаться и знать, что от улицы моей почти ничего не осталось. Хорошо, если треть домов сохранилась! Мертвая тишина. Редкий лай собак. Старики. И почти нет молодежи. Я становлюсь похож на свою любимую тетюшку Надю, которой по ночам снился один и тот же сон – затопленный Чистый Яр. Так же, как и она, я болен тоской по прошлому. Память с фотографической четкостью рисует мне былое, дома и лица моих дорогих земляков. Я снова закрываю глаза и вижу...

...Дом на углу, где живет большеглазая, светлолицая девушка с маленькой родинкой на щеке. У нее удивительное, красивое, поющее имя! Бибигуль. Коротко – Бико. Так зовут ее в семье, мы тоже ее зовем Бико. Улыбчивая, красивая, веселая. Она на год старше меня. Двор у Курмангалиевых небольшой, напротив дома стоит вагончик и летняя кухня. Когда мы всей улицей играем в прятки, нет лучше места, чем забраться к ним на крышу летней кухни. Там обычно сушится курт или сузьбе. Бывает круглый, бывает кусковой, но чаще – с оттиском рук. Тот, что поменьше, хранит след руки Бико. Мне кажется, что он даже вкуснее, чем другой. Арсен, Бикошкин племянник, младше меня на шесть лет и бегаёт за мной повсюду. Мой друг. Он забрался вместе со мной на крышу и по-хозяйски угощает меня куртом. Наигравшись в прятки, играем в другие игры. Возле забора у дома Курмангалиевых, насколько я помню, лежало большое бревно. На нем вечерами усаживалась вплотную друг к другу вся ребятня нашей округи. Играли в «Кино» – один загадывал первые буквы фильма, остальные отгадывали. К нам, на наш веселый смех, приходил из переулка Жумка Байдакпаев, «старшак» и авторитет в нашем околоте. Мы теснились, освобождая ему место, а он брэнчал на старенькой гитаре, пел на всю округу: «Листья желтые над городом кружатся...» Мы восхищались его исполнением, а он, острый на язык, поддевал малышню: «Арсен, тебя кто так назвал? Правильно будет Арсентий! Не Арсен, а Арсентий! А тебя, Карабай, лучше было бы назвать не Ирлан, а Лысая Черепа. Это Оря тебя так обчекрыжил? Правильно! Лучше иметь лысый череп, чем заросли, заселенные хищными животными!» Жумка гладил по гладкой лысой голове младшего брата Арсена по прозвищу Карабай. Все смеялись, Жумка изгалялся еще больше, устраивая настоящее представление. Нас он не обижал, но в школе, а позже и в СПТУ, частенько награждал синяками того, кто подвернется под его горячую левую руку.

Больше всего мы любили футбол, в него можно играть сутки напролет, ведь на каждой улице был свой «Марадонна». На Школьной улице лучше всех в футбол играл Марат Жолдыбаев, на Центральной – Женька Маянов. А у нас это был Мурат Дюсюпов, он был младше меня на четыре года, был очень вынослив, не уставал. Прямо здесь, на перекрестке, между домами Курмангалиевых и Дюсюповых, мы гоняли мяч. Короткий век оказался у Мурки, как и у его одноклассника Азамата Байжанова. Развал страны переломал множество судеб. Но это будет гораздо позже, мы к той поре успеем вырасти и сходить в армию.

Ниже по улице, за Дюсюповыми, жили Исембаевы, Байжановы, Архабаевы и Тюлькубаевы. Выше нас, к двухэтажкам – Мухамадиевы, Байгалкановы, Жумагалиевы, Байбатыровы, Сагатовы и Шаяхметовы. В переулке – Омаровы, Байдакпаевы, Далабаевы.

Это я перечислил далеко не всех, а лишь тех, с кем я вырос. Почти все семьи были многодетными, и кто-нибудь из каждой семьи приходился мне ровесником или был чуть-чуть моложе или старше. Лучшие мои уличные друзья, с которыми мое детство было счастливее и полнее – Айдарбек Байгалканов, Тлеубек Тулькубаев, Арсен Курмангалиев, Ойрат Мухамадиев, Женька Исембаев и Кайрат Байжанов. Об Айдарбеке Байгалканове скажу отдельно. Особенно близко мы сошлись с ним после школы, когда несколько месяцев работали слесарями в сельской котельной. Вместе занимались спортом, делая многокилометровые пробежки по нашим барханам, и в одно время ушли в армию на юг. Айдар попал в Ашхабад, а я – в Отар. После учебки мой друг ушел в Афганистан, в Газни, а я попал в Чехословакию. Большая часть нашей батареи тоже ушла в Афган. Мы все рвались туда. Мой друг, осетинец Андрюха Алымов, призванный из Грозного, чуть не плакал возле дверей нашего взводного капитана Опекушкина, просясь в ДРА. Он объяснял свое решение просто: «Я не представляю своей жизни без Афгана!» И вот, в одном из писем, Айдарбек передал мне привет от моего друга Андрея Алымова, с которым они служили в одной части. Я был искренне рад этой доброй вести. Мир тесен, и все мы ходим под Богом! Айдарбек вернулся домой с боевой наградой и тяжелой памятью пережитого там, «за речкой». Потом мы параллельно учились с Айдарбеком в Усть-Каменогорске в разных вузах. На летних каникулах мы вместе подрабатывали на стройках. Сейчас Айдарбек Байгалканов живет в Астане. У него замечательная жена и три чудесных дочки. Пожилые родители живут вместе с ним.

Зимой мы играли в хоккей, в валенках, без коньков. Мой отец был электриком, и поэтому на улице возле нашего дома всегда горел фонарь. Мы играли до 10-11 часов ночи! Снег возле нашего дома был накатан валенками до такой степени, что напоминал настоящую ледяную хоккейную площадку. Редко у кого из нас была заводская клюшка, еще реже – мяч или шайба. У меня был мяч, это подняло мой статус даже среди старших. Недавно мне напомнил об этом Архабаев Жомарт, архитектор, ровесник моего старшего брата: «Ты лучше Сережку не трогай. А то мяч заберет, что мы делать будем?!» Мяч был весомым аргументом в наших отношениях. А когда теряли последний мяч, то играли консервной банкой или замороженным конским навозом, который разлетался после нескольких хороших ударов. Те, у кого были коньки, ходили на Бухтарму и расчищали площадку там, заливая трещины водой из проруби. Для

нас огромным счастьем было, когда наступали морозы. Учебные занятия из-за низкой температуры отменялись. В школу не ходили, зато все улицы были полны ребятни, что нам сорокаградусный мороз!

Когда наступала весна, начинались «Баталки». У каждого была своя удобная палка – баталка. Три отметки на разном расстоянии, с них нужно было попасть в клек, стоящий в центре квадрата, начерченного на дороге. Похожей игрой была игра «Гонялы». Мы били по клеку до тех пор, пока последний не промахивался притом, клек ставился на середине дороги в том месте, куда он долетел. Бывало, что мы уходили в самый конец улицы и оттуда уже бежали наперегонки. Вадил тот, кто прибежал последним. После «Баталок» начинались «обычные» летние игры: «Лапта», «Двенадцать палочек», «Отмирной», «Чехарда», «Осел, козел и сторож», «Кзаки-разбойники», «Прятки» и другие.

Все лето мы пропадали на море. Весь берег за селом – сплошной песчаный пляж. С восточной стороны, где в заливе большая глубина, пляж назывался «Водопад», или «Затон». С другой стороны села, за больницей – «Больничный» пляж и Старая Трасса. На этих пляжах – полно народу. Между ними – мыс, выступающий далеко в море – «Остров». Туда далеко идти, но вода там самая чистая в округе. Людей там всегда было немного. Назывался он так потому, что иногда это место затапливало, и из воды торчал только большой песчаный бархан. В настоящий момент «Остров» размыло и затопило наступающей водой.

Но даже купание на море не могло вытеснить из нашей жизни удовольствия, которое приносило нам кино. Сеансы шли 2-3 раза в день. Мы выпрашивали у родителей пятак или два (если кино двухсерийное), а иногда специально шли на пляж и находили там, если повезет, копейки, потерянные кем-то. Стоило почистить потемневшую монету песком с водой, и она блестела, как новенькая. Еще с утра кто-нибудь из друзей, ходивших в центр, объявлял, что привезли отличный фильм. И тогда мы быстро выполняли всю назначенную родителями на этот день работу, помогали друг другу и сломя голову мчались в клуб. В небольшое помещение набивалось столько разновозрастной ребятни, что после начала фильма нереально было ни протолкнуться ближе, ни пошевелиться, если ты сидел не на сиденьях. Сидели на подоконниках, на узенькой, задранной под потолок печке, возле сцены, в проходе, в открытых дверях. Сейчас в Ново-Тимофеевке хорошая трехэтажная школа. Но учиться в ней меньше сотни человек. А в 70-80-е годы в двух небольших корпусах старой школы училось 700-800 учеников! И большая часть их приходила смотреть фильм в наш небольшой сельский клуб. Зимой – в шубах, фуфайках, пальто, которые к середине сеанса приходилось расстегивать или снимать, потому что было душно даже в лютые морозы. Наш вечный киномеханик дядя Ваня Рыбин, высокий инвалид с больной ногой, частенько бывший в подпитии к началу сеанса, шел, как на экзекуцию, в свою конурку и закрывался. Старшаки относились к нему панибратски. Еще до начала сеанса они в нетерпении ему выкрикивали: «Иван, пора, начинай!» Лента заправлялась, и начинался знакомый стрекот проектора. Большинство лент было закручено, изношено и порвано от постоянного просмотра. И когда в очередной раз рвалась лента, зал взрывался криком сотен глоток. А рвалась она всегда на самом интересном месте. То же было и в момент, когда лента вдруг застревала, и рамка останавливалась посреди экрана. Зал ревел: «Рамку, Иван!!!» Старшаки, словно во вражеский дот, бросали в щель к

дядьке Ивану все, что было под рукой: пачки из-под сигарет, спички... Инвалид с руганью метался в своей коморке, было слышно, как он открывает дверь, торопится на улицу. Вскоре он появлялся с улицы, проталкивался сквозь толпу в двери, включал свет и с искаженным от гнева лицом высматривал хулиганов в конце зала, куда пробиться сквозь гущу народа было невозможно. Дядя Ваня решительно заявлял, что если подобное повторится, то он прекратит сеанс. Зал немного утихал – всем хотелось досмотреть фильм до конца. В то время мы смотрели отличные фильмы, они нас воспитывали, мы учились у героев быть лучше. Индийское кино, во многом наивное, учило любви, добро в нем всегда побеждало. Помню их и сейчас: «Зита и Гита», «Месть и закон», «Слоны – мои друзья», «Танцор диско» и другие. Любили фильмы про индейцев: «Золото Маккены», «Виннету – сын Инчучуна», «Оцеола», «Чингачгук – Большой змей»... Каждому мальчишке хотелось быть похожим на Гойко Митича. Мы по многу раз пересмотрели фильмы про Зорро и Фантомаса. После кино мы спешили домой, чтобы доделать дела по хозяйству и, если останется время, поиграть на своей любимой улице.

Когда в нашем саду поспевали яблоки, я угощал ими своих друзей, а они угощали меня куртом. Иногда я менял яблоки на курт. Когда мы стали подростками, то, бывало, «навещали» чужие сады и огороды – чаще из-за одного озорства. А иногда я сам стоял «на шухере», чтобы друзья благополучно «посетили» мой сад.

Летними вечерами Бико частенько пекла баурсаки или лепешки в казане, что стоял в ограде. Масло скворчало на огне, по округе распространялся непередаваемо вкусный запах. Арсен в рубаше, завязанной на узел снизу, клянчил баурсаки у Бибигуль, которая доводилась ему тетей. Брал несколько штук и, чуть не обжигаясь, за пазухой нес на улицу и делился со всеми нами. Я краем глаза посматривал за нашей уличной красавицей. Она была сильно похожа на свою мать. Даже родинку на щеке переняла у нее. Тетушка Чайкен, тоже, видать, красавица была в молодости! И детям передала свою красоту и добрый характер: старшей дочке Макон, Оркену, Баурджану и, больше всех, младшей – Бико.

В один из летних вечеров моя мама вышла на улицу и увидела следующую картину. Дядька Нуржакып Баденов, невысокий пожилой мужчина, маявший спиной, шел из больницы по нашей улице домой, на Школьную улицу. Поравнявшись с домом Курмангалиевых, он разогнулся, принял осанку и статно прошел, поглядывая в ограду тетушки Чайкен. Он мог дойти домой и другим путем, но каждый раз шел по нашей улице, мимо этого дома. Моя мама, поздоровавшись, заметила:

– Нуржакып, я видела, как ты шел туда и обратно. Спина у тебя всю дорогу была согнута, а возле дома Чайкенки ты как молодой петушок пошел.

– А что, Аннушка, делать? Сердцу не прикажешь, оно меня само ведет мимо этого дома, смолоду ничего с собой поделывать не могу.

Несколько лет назад Бико привезла из Алматы на родину свою повзрослевшую дочку. Я был поражен: она была похожа на свою мать в юности как две капли воды! И мне снова подумалось, что наш род, как река, благодаря которой мы не исчезаем, а повторяемся в своих детях.

Спасибо тебе за все, моя замечательная улица, вырастившая меня, и вам, дорогие мои земляки!

ХОДАНОВЫ

Колька Ходанов был моим лучшим другом. С самой первой нашей встречи, начиная со второго класса, когда они приехали к нам в село, а мы вернулись из дальнего странствия в Ростовскую область, мы стали дружны. Друга Кольки уже нет среди живых, и больше не будет. И эти скромные записки – дань уважения моим односельчанам, моим друзьям, это ода счастливому детству и реквием по уходящей вместе с нами эпохе.

Сначала Ходановы жили на Больничной улице в небольшой избушке с глиняной крышей. А позже – в двухэтажках. Дядя Боря работал на гусеничном тракторе, а тетя Люда кормила совхозников на полях, работала в столовой. Старшая сестра, Лариса, была старше Кольки на пять лет и училась вместе с моим старшим братом. Их огород начинался сразу за избой, выходил на пустырь, растянувшийся до самого берега Бухтармы. Метрах в ста за огородом рос одинокий тополь, стоящий у заброшенного колодца. Этот тополь был свидетелем расцвета села и страшной разрухи, пришедшей в него с распадом Советского Союза.

К этому тополю мы бегали вместе с Колькой, когда были совсем маленькими мальчишками и позже, когда стали подростками. Он стоял один посреди огромного пустыря и ему, наверняка, было совсем-совсем одиноко. Мы его считали своим, разговаривали с ним, чтобы нашему тополю не было грустно. Это ведь только представить себе, что всю жизнь вот так стоять одному, уже страшно становится. А ведь когда-то занесло сюда тополиную пуховую семечку, и проросла она в этом горячем песке, поднялась крепким ростком вопреки всему. Стоял наш тополь, обожженный зайсанским ветром, с толстой корявой шкурой и разговаривал с нами шумной листвой, как с равными. Было нам с Колькой тогда весело у этого тополя потому, что в детстве не надо особых причин для радости, тем более, если рядом друг. А потом мы выросли, и Колькина семья уехала из деревни. И мне пришлось одному ходить к нашему тополю. А он шумел надо мной, делился со мной своими печальями. А когда я снова оказался в родном селе через несколько лет и вышел на этот пустырь, то тополя уже не было. Не пережил он суровую зиму – свезли его на дрова. Нет теперь ни друга, ни тополя... Остались одни воспоминания. А с моим уходом не останется даже и их. На этот пустырь в детстве я выгонял по утрам своих телят. Это была моя обязанность. Телята до вечера должны были пастись на лужайке за больницей. Частенько эти непослушные Февральки и Марты, задрав хвосты, тут же убегали домой. И мне приходилось по нескольку раз за утро проделывать путь от дома до этого пустыря. Колька меня снова выручал, тащил со мной на веревке одного из телят, помогал привязывать к штырю.

С этими телятами у нас один раз произошел смешной случай. Иногда родители уезжали из дома с ночевкой. И тогда я приглашал к себе ночевать кого-нибудь из друзей – либо Ваську Сидельникова, либо Кольку Ходанова, а иногда и Пашку Рыбина, сына нашего деревенского киномеханика. Чаше отпускали Кольку. Так вот, именно с ним мы и хозяйничали в тот раз. Мы уже давно спали, когда услышали во дворе лай нашей собаки. Я подскочил к окну и увидел, что из ограды выбежали телята. Первое, что пришло мне на ум, было то, что мы плохо закрыли двери сарая. И мы с Колькой кинулись прямо в нижнем белье на улицу догонять телят. Мы забежали за ними в переулочек и догнали только возле улицы Больничной. Когда разглядели под фонарем, оказалось, что это чужие телята. Тогда куда

девались наши? Поразмыслив, мы догадались, что наши телята находятся там, где и положено находиться нормальным порядочным телятам в ночное время, а именно – в своем сарае. Так и оказалось. Просто мы плохо закрыли входную дверь в ограду, в нее зашли чьи-то заблудившиеся телята, их-то и погнал громким лаем наш Барсик. Разобравшись в чем дело, мы с другом долго заливались смехом и заснули только к утру. Какое замечательное было время!

Колька наравне со мной таскал камни для строительства гаража и сараев, месил глину, подметал ограду. Вместе с ним мы ездили на рыбалку, играли в баталки, катались на коньках... Он был левша. Однажды, кинув баталку, высадил на нашей веранде сразу два небольших окошка. За такие проступки матушка нас ставила в углы, и мы с Колькой покорно отстаивали положенное наказание, зная, что заслужили его. Вместе мы рисовали, и даже в одно время написали свои первые стихи. Как ни странно – на одну тему, увидели за окном березу и написали про нее стихи. А затея со стихами была Колькина. Только он потом забросил это дело, а я продолжил.

Во втором классе Колька сломал ногу. И чтобы он не пропускал занятия, мы всем классом решили на санках возить его в школу. А так как я жил ближе всех к его дому и был ему другом, то две улицы я тащил санки один. Увидев нас, одноклассники бросались помогать. Кайрат Досканин, Елтай Икомбаев, Сережка Здор, Серик Кумашев – все вместе, гуртом – на руках заносили мы Кольку в школу. После уроков я снова увозил его домой. И так продолжалось, пока с его ноги не сняли гипс. В то время мы воспитывались на добрых примерах, учились хорошему: сам погибай, а друга выручай!

Семью Ходановых постигла та же участь, что и семью Сидельниковых. Тетя Людмила стала часто выпивать, и как только Колька окончил школу, семья развалилась. Это была покладистая, спокойная женщина, прожившая на белом свете всего пятьдесят семь лет. Колька попал в тюрьму на небольшой срок, где вскоре умер от туберкулеза. Его отец, дядя Боря Ходанов живет в Усть-Каменогорске, ему уже семьдесят восемь лет, а Ларисе, Колькиной сестре – за пятьдесят. Она живет в Риддере.

ГАЛКИНЫ

Галкины жили на соседней, Школьной, улице, что находилась ближе к центру села, в доме на два хозяина. Вторую половину дома занимала главврач нашей больницы Тамара Павловна Чистякова. Напротив их дома – два корпуса школы, двухэтажная и одноэтажная, два палисадника с деревьями, посаженными учениками под руководством учителей. Сколько себя помню, столько и была в нашей школе директором Тамара Николаевна Галкина, в девичестве Вязигина, корни ее тянутся в станицу Батинскую.

Высокая, строгая, часто жесткая, но справедливая женщина. Мы все побаиваемся Тamarу Николаевну. Не позавидуешь тому, кто попал к ней «на ковер»! Это все равно, что в плавильный цех – переплавят, придадут нужную форму, но человеком сделают. Благодаря ее строгости и педагогическому мастерству, многих учеников миновала горькая тюремная чаша. Спасибо нашим замечательным учителям, которые помогали нам становиться людьми! Филологам – Галкиной

Тамаре Николаевне и Поповой Галине Михайловне – моему бессменному классному руководителю, учителям математики – Бунеевой Любови Викторовне и Эккелю Александру Ивановичу, учителю физики – Киященко Тамаре Александровне, учителю истории – Досканину Курману Доскановичу, биологу – Панкеевой Галине Александровне, военруку – Столярову Борису Ивановичу, учителю сельхозмашин – Шахиеву Кадырбеку Шахиевичу, физруку – Вязигину Александру Васильевичу...

Галкинская половина дома состоит из небольшой кухни, маленькой детской комнаты и зала, который является одновременно спальней родителей. Вот такие «хоромы» у директора школы! У Тамары Николаевны и Михаила Ивановича двое сыновей. Старшего зовут Александром, он на год старше меня. Младший – Сергей, на два года младше меня. Друзьями с Сергеем мы стали, когда я учился уже в девятом классе. Вместе с ним мы готовились к выступлению школьников в сельском клубе, он в костюме грузина, я – литовца. На этих репетициях мы познакомились ближе и не могли понять, как, вообще, могли жить друг без друга! Тем более, что жили мы по соседству – наши огороды почти примыкали друг к другу, только дома выходили на разные улицы. Наши огороды разделяла небольшая полоса территории котельной с горами угля и кучами шлака. В школу я ходил именно здесь, самым коротким путем, перепрыгивал забор в конце огорода и шел натопанной тропой получать знания.

Жизнерадостный весельчак, обладающий искрометным юмором, независимый в суждениях, Серега Галкин стал мне настоящим другом. Мы понимали друг друга с полуслова, жили «на одной волне». Эти несколько лет стали для меня самыми счастливыми в школьной юношеской жизни. Мы могли часами лежать на пахучем стогу сена, что стоял в их огороде, рассматривая созвездия, загадывая желания под падающую звезду, слушая разноголосый лай деревенских собак, голоса ночного засыпающего села. На нашей лодке мы избороздили все прилегающее к селу побережье. Нередко мы затягивали песню из понравившегося нам кинофильма, и неважно было, что слова могли не совпадать с первоначальным вариантом, главное – спеть песню с задором и хорошим настроением: «Король Жермон поехал на войну и взял с собой свою жену...» Иногда Серега становился на носу лодки и, вживаясь в роль хорошо сыгранного им в клубе грузина, затягивал: «Дория! До-ри-я!» Я пытался подтягивать ему «по-грузински», и эта разноголосица далеко разлеталась по глади Бухтармы. Счастливая пора юности!

Вскоре после нашего знакомства, на весенних каникулах, ученики нашей школы, в том числе и мы, отправились в турпоездку по Сибири. Конечный пункт нашего путешествия – село Шушенское, место ссылки Ленина. Каждый город по пути нашего следования запомнился нам чем-то особенным. В Усть-Каменогорске мы объелись мороженого и дальше следовали с ангиной. В Барнауле – бросали снежки в стенд, после чего пришлось убежать от милиционера. Там же, в привокзальном кафе, мы увидели заморский фрукт, о котором в селе никогда не слышали, и решили купить. Нам до того захотелось попробовать гранат, что цена, оказавшаяся приличной даже не за килограмм, а всего за сто грамм, нас не смутила. Сбросились и купили. Не зная, как этот фрукт едят, мы с горем пополам вскрыли гранат. Хотя и досталось каждому всего по несколько кисло-сладких рубиновых зерен, наше любопытство было удовлетворено. Правда, восторгов особых никто не испытал, но впечатления от поездки уже собирались в копилочку – будет, о чем рассказать.

в селе. В Новокузнецке я со своим другом не-разлей-вода Галкиным Серегой чуть было не отстал от поезда. Выручили нас мои одноклассники – Андрей Панов и Серега Здор, которых руководитель поездки послала на наши поиски. Это было, как в остросюжетном фильме: мы вчетвером мчимся по подземному переходу к нашей платформе, заскакиваем в вагон, и через несколько секунд поезд трогается. Досталось переживаний в ту запомнившуюся поездку сопровождавшим нас учителям, особенно ответственной – Поповой Галине Михайловне, моему классному руководителю. В Красноярске обошлось без приключений. Там мы ходили по заповеднику «Столбы», побывали в цирке, жили в санатории, а последнюю ночь почему-то ночевали в детдоме. Запомнилась своей мощью Красноярская АЭС и уютный Дивногорск. И вот мы оказались в Шушенском. Неплохо, оказывается, там жил Ленин, с голоду не пух, жил в удовольствие – вот так ссылка! Сани, хомуты, домище, каких у нас в селе немного! Деревянные дорожки из сосны на случай распутицы. Все основательно и надежно. Крепкий сибирский быт, позавидовать можно. Только зачем за тысячи верст тащили нас, деревенских ребятишек, смотреть на чужую деревню? Запомнилось мне Шушенское тем, что я потерял там последние 28 рублей. Зашел в магазин, купил игральные карты, нас поторопили. В автобусе уже обнаружил, что деньги пропали. Конечно же, меня выручили мои односельчане, собрав мне рублей восемь. Спасибо им. Запоминающимся было наше возвращение домой, когда сердце трепетало от созерцания родных мест. В автобусе мы громко, с хорошим настроением пели песни. А когда показалось родное село, дружно закричали «ура!»

Нужно еще особо отметить в моем друге такую особенность характера, как крепкое бунтарское начало. Авторитетной и всеми уважаемой Тамаре Николаевне редко кто мог в школе сказать слово поперек. Иногда мог возмутиться младший сын. Дома ему предстояла серьезная обработка. Тамара Николаевна подключала к процессу и меня, как старшего товарища с положительной репутацией. Чувствуя на себе бремя ответственности, я заходил в его комнату и наставлял его на путь истинный. При этом я подмаргивал ему, дескать, все понарошку. Тамара Николаевна из-за шторы хорошо слышала мою речь, и вскоре отпускала нас на улицу.

Со старшим Сергиным братом, Александром, у меня тоже сложились хорошие отношения, которые со временем переросли в крепкую мужскую дружбу. Он уверенно шел к своей цели и после школы поступил в летное училище, став по его окончании летчиком. Сергей тоже пошел проторенной братом дорогой, в летчики. Правда, в лихие девяностые выживать приходилось по-разному, и оба брата освоили другие профессии. Серега даже моряком дальнего плавания был, плавал по морям-океанам.

Дядя Миша Галкин был сыном от первого брака Ивана Порфирьевича Галкина. Крепко сложенный, роста выше среднего, неторопливый, добродушный и абсолютно беззлобный человек с хорошим чувством юмора. Его озорные сыновья, перенявшие у отца умение весело посмеяться, давали всем окружающим и друг другу прозвища. Отца называли на французский манер «Мишелем». Говорили: «Это наш Мишель». Дядя Миша работал на нефтебазе, в соседнем селе, сутки через трое. Однажды на работе он попал под мощный разряд высоковольтной линии. Произошла остановка сердца. Он какое-то время лежал без движения и в этот момент видел, как большая толпа подходила к нему навстречу. Впереди шел давно умерший родственник, который, подойдя вплотную, сказал, что ему пока еще рано к ним, и оттолкнул его. После этих слов дядя Миша услышал стук

собственного сердца и ожил. Около месяца после этого он лежал в областной больнице. Естественно, последствия перенесенного разряда сказываются на здоровье до сих пор.

Александра Прокопьевна, мать Тамары Николаевны, зимой и летом жила в летней кухоньке. Там было всегда тепло, пряно пахло приправами и травами. Мы гоняли чай, смеялись от души, веселя гостеприимную бабушку, которая души не чаяла в своих внуках. Иногда к ней на огонек заходила моя тетушка Вера Григорьевна, они оживленно беседовали, балуясь нюхательным табачком.

До сих пор я не могу забыть один день из своей бесшабашной юности. Мы с Сергеем собрались на зимнюю рыбалку. На нашем мотоцикле мы поехали по льду на Конский Мыс. Пробили пешней лунки, стали рыбачить. За вечер ни одной поклевки. Несмотря на неудачу в рыбной ловле, настроение у нас было великолепным. На закате стало холоднее. Темнело. Мотоцикл завести мы не смогли, несмотря на все наши усилия. Пришлось идти в село, несколько километров по снегу, карабкаться у села по яру на высокий берег. Мы шли домой к Галкиным за их мотоциклом. Дяди Миши дома не было, он уехал на «Москвиче» на работу и, как обычно, прихватил с собой ключ от гаража. Серега знал, что у «Мишеля» в запасе имелся дубликат, его нужно было найти. Перерыв все укромные места, Галкин-младший все-таки нашел ключ. Мы завели мотоцикл и поехали. Станным было одно обстоятельство, опечалившее Сергея – куда девалась бабушка? Она из дома никуда не отлучалась. Вскоре выяснилось. Когда мы выехали за больницу в сторону моря, свет фары высветил два силуэта – моей мамы и Серegiной бабушки, что несла хороший дырн – в случае чего отбиваться от волков. Мужчин дома не было, и поэтому женщины сами отправились на наши поиски. Александра Прокопьевна тревожным голосом окликнула в ночь: «Се-ре-жа!» Ослепленные светом фары, женщины не могли нас рассмотреть. На очередной зов бабушки мой друг откликнулся: «Я здесь!» Мы уже проезжали мимо них по колеистой ледяной дороге, и Александра Прокопьевна успела перепоясать меня, сидящего сзади, дырном по спине. Так бабушка откликнулась на родной голос – в темноте не разберешь, кто есть кто. Было совсем не больно. Тем более, полученное по заслугам, в счет не шло. Мы смеялись. Не остановившись, проехали мы мимо наших спасателей, выкрикнув на ходу: «Мы скоро вернемся!» Не сразу мы отыскали в темноте наш мотоцикл, потом неоднократно рвалась веревка, на которой мы его тянули. Чуть не заехали в полынью возле острова. Перепрыгнули на полном ходу серьезную трещину. В общем, было что вспомнить и над чем повеселиться, когда мы приехали домой.

Следующей зимой я ушел служить в армию. В тот же год следом за моей бабушкой, Анной Сергеевной, умерла Александра Прокопьевна. Могилы их расположились по соседству на сельском кладбище.

В конце девяностых, когда разваливалось наше село, Галкины уехали на Урал. Тамара Николаевна до семидесятилетнего возраста работала учителем русского языка и литературы в городе Дегтярске, под Екатеринбургом. Дядя Миша помаленьку трудится дома по хозяйству, каждую субботу протапливает баньку, поджидая сыновей в гости. Оба сына женаты по второму разу, имеют крепкие семьи. Дочка Сергея осталась в Белоруссии с первой женой Ладой, у Александра после смерти жены Лены осталось две взрослых дочери. Все они живут в Екатеринбурге. Иногда Сергей и Александр приезжают на родину, чтобы провести хотя

бы пару недель в дорогих сердцу местах. Мы обязательно встречаемся с ними, в теплых беседах вспоминая счастливые дни юности и времени, когда наша Ново-Тимофеевка была большим, цветущим селом.

«ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ»

Я вырос в хорошем трудовом селе. Сколько замечательных людей взрастило мое село! Я рос в прекрасное время, когда мерилом всего были духовные качества, а не поклонение золотому тельцу – кумиру сегодняшнего дня. Трудовые мозоли и сейчас в моем селе не считают чем-то позорным. До сих пор у нас здороваются с каждым встречным, будь он родным односельчанином или приезжим. Уникальная культура села... Как объяснить человеку, отказавшемуся от своих истоков, современному маргиналу, о том, что такое зов родной земли? Почему иной мой земляк, накопив на севере деньги, не едет на Черное море или за границу, чтобы достойно там их истратить, а едет в небольшое и для других ничем не выдающееся полуразрушенное сельцо? Таких людей, как Павел Балахонов, Саша Гончаренко, Володя Косачев я уважаю всей душой. Я и сам при первой возможности рвусь на родину. Это – зов родины. Здесь все особое, все с детства родное, все неповторимое. С годами – эта тяга сильнее и сильнее. Это с рождения дарованное Богом место. Пусть для других оно малоприметно, а мне мое родное село краше любой другой красоты. Я могу рассказать о том, как пахнет в июле песчаный берег Бухтармы. Я люблю теплый зайсанский ветер, в котором чувствуется мощь, характер и воля вольная. Море шумит так, вздувая гривы волн, что кажется, будто по всему огромному простору несется бесконечный дикий табун. Проносится ветер, успокаивается море, затихает гул. Тишина. Горы отражаются в зеркальной глади. В воздухе перемешаны запахи степи, моря и песчаного берега, особенно чувствуются чабрец и душистая полынь. Где я найду еще такое!

Я вырос в хорошем трудовом селе. Сколько замечательных людей взрастило мое село! Я жил среди своих односельчан, многие из которых были уникальными людьми, настоящими героями, скромными, в простой одежде, никогда не выпячивающими себя перед другими. Ветераны войны и ветераны труда. Я бы никогда не смог подумать, что неприметный водовоз дядя Ваня, которого я постоянно встречал у больницы – прошел всю войну в пехоте. О его необыкновенной судьбе рассказала мне мама. И про обычного каменщика, что выложил из камня совхозные базы, любителя выпить и покурить крепкого табачку, дядю Федю Попова, который был дважды представлен во время войны к званию Героя Советского Союза, но по какой-то причине так и не был награжден... И про Галкина Ивана Порфирьевича, с двумя орденами «Славы», имеющего тяжелое ранение. И про деда Жолдыбаева, носившего в себе немецкий осколок, полученный под Москвой... И про дядю Манана Ергимбаева, друга моего отца, награжденного орденом «Трудового Красного Знамени», старший брат которого погиб под Сталинградом. Сейчас я сожалею только лишь об одном, что поздно начал собирать в горсть материалы о судьбах моих земляков, ведь про многих из них уже никто не сможет ничего рассказать. Пытаясь успеть запечатлеть хоть что-то, пока еще не ушло кремневое поколение моих родителей, рожденных в тридцатые годы, я внесу свою посильную лепту в копилку документальной истории моего народа.

В моих тетрадах, что сохранились еще со времен учебы на филологическом факультете, имеются – теперь уже уникальные записи конца 80-х с двух моих практик, проведенных в родном селе. Уникальных потому, что тех стариков уже нет, но остались записи диалогов, их песни, диалектные особенности языка, интересная информация о прожитой жизни. Листаешь страницы и словно разговариваешь с ними, вспоминаешь, как наяву. Вот, к примеру, один из опрошенных мной – Руденко Федор Семенович, 1909 года рождения:

– Я безграмотный. Знаю только семь букв своей фамилии – РУДЕНКО. Мы приезжие, с Украины. Жили в Сарабели. Это чистоярцы – исконные казаки. Чистоярцы царские защитники были. Как родится, ему сразу шашку, бурку и коня ему. Вот и бились... Песни пели исключительно, старухи, женщины, вообще, ребята...

– А как в колхоз вступали?

– В 1928 году сразу в колхоз пошел.

– А как Прииртышье затапливали Бухтарминским водохранилищем, помните?

– Помню, – видимо старик устал уже и уходит от разговора, – А люди-то знают, в каком году затопило, – он как немой показывает себе на рот в смысле «не грамотен».

Тут же записано несколько диалектных слов: «Макитра» – кувшин, горшок. «Алея» – подсолнечное масло. «Гарбуз» – тыква. «Каун» – арбуз. «Мыска» – чашка. «Спивень» – петух. «Очини» – открой. «Зачини» – закрой.

Еще один пример: Стерликов Егор Алексеевич, 1912 года рождения, родом из Чистого Яра, из казаков. (Рядом жена Матрена Михайловна).

– В 1922 году помер отец. Воспитывался одной матерью. С 12 лет батрачил до 1929 года. Потом в колхоз рядовым. В 1934 году пошел на курсы трактористов, работал бригадиром тракторной бригады. В 1936 году учился на механику в Семипалатинске 6 месяцев. В то время пришли новые трактора ЧТЗ. С 1937 до 1968 года работал комбайнером. С 1968 года работал вулканизаторщиком и мельником до ухода на пенсию в 1972 году.

Егор Алексеевич вспоминает о давних временах коллективизации: «Сеяли руками, соль возили на моторках через Иртыш, тут уже на быках. На семью давали 300 грамм муки либо крупы, – он заменжевался, подумал, спрашивает: «А ты-то, говоришь, Комов будешь. Знаю таких. Наши, чистоярские. Бабушка твоя пела здорово и танцевала хорошо, частенько спала на крыше. Дед-то твой, да и прадед тоже, чего греха таить, выпивали, любили побузить». В надежде выяснить диалектические особенности языка, привожу старику слово-пример: «Спивень» – петух. И слышу ответ, развеселивший меня: «Мы птиц не обижали. Петух так и есть петух. Селезень он и есть селезень. Гусак есть гусак. У нас в Чистом Яре птиц не обзывали». На этом я опрос закончил. Оба эти старика жили в двухэтажках. Теперь на месте всех пяти двухэтажек – руины. А эти старики переехали в страну, откуда уже не возвращаются – «Во деревню Могилевку, во Кладбищенский уезд», – так об этом деле, шутя, говорит моя тетя Надя. И еще мне припомнилось об Егоре Алексеевиче Стерликове. Небольшую лодку на берегу за двухэтажками мы так и звали по имени хозяина – Стерликовская. Все лодки у нас были «фамильные» – Сошневская, Белоусовская... Егор Алексеевич, этот невысокий, бойкий мужичок, садился за весла и бороздил на ней окрестные Бухтарминские воды. Бросал за борт два кармака со спиннинговыми блеснами и

довольно шустро оплывал километровые расстояния. На ходу у него цеплялись окуни, щуки. Почти всегда он приходил домой с рыбой. Интересный был человек. От Егора Алексеевича я и узнал про чистоярского атамана Ельцова, чья фамилия напрочь забыта в нашем краю. Легендарной был личностью, в рубке шашкой не было ему равных, от пули был заговорен. Когда в разгар братоубийственной войны стало в Чистом Яре жить небезопасно, он отвез своих детей в сторону поселка Кокпекты к родне, а сам вернулся. Отец у него был хромым. Так вот, отца с матерью красные прилюдно казнили в Чистом Яре. Погиб атаман в Сартайке, куда уводил за собой погоню. Там, в горах, у высокой скалы, он развернул коня, обнажил шашку и встретил красных лицом к лицу. Но никто не изъявил желания с ним биться в честном бою. И тогда два красноармейца, обойдя со стороны, забрались на скалу и столкнули оттуда на казака камень. Так погиб атаман Ельцов.

Даже в конце восьмидесятых, через семьдесят лет после революции, в ответах моих земляков чувствовалось, что крепкая когда-то была межа между двумя селами. Нет уже ни Чистого Яра, ни Сарабели, упокоились они на дне Бухтарминского моря. Пережили мои земляки революцию, Гражданскую войну, а затем еще Отечественную, голод, затопление и переселение в одно село, перемешались в браках.

Как-то я спросил у своего отца, немногословного и неразговорчивого, о том, какие были отношения между двумя нашими селами, когда он был подростком, мирно ли жили? Он вдруг оживился и стал рассказывать, чем меня удивил. Видно было, что вопрос был задан на болезную тему.

– Чистый Яр с Сарабелью вечно дрались...

– Даже после войны?

– А молодежи-то что, они же дрались, не старики.

– Чем дрались? Как обычно на кулаках?

– И на кулаках тоже. Но в основном ходили друг на друга с «горячим камнем».

– А это что еще за штука?

– «Горячий камень» – это камень, взятый из каменки, в бане. На дороге камень лежит, его никто не возьмет, будто он не настоящий камень, и для драки он не годился. А вот с каменки – это другое дело. Как только сарабельцы появятся у нашей стороны, мальчишки залетают к кому-нибудь в баню и подчистую выметают каменку. Не одну баню разорили. А потом получали от родителей. Скажем, пойдет отец в баню, натопит ее, собрался париться, а там и воду плеснуть не на что. Получи, шаромыга. А потом натаскаем вместо «горячих камней» всяких разных, какие попадутся, а они не идут на каменку, тоже не дело.

Вот уж я никак не могу представить своего спокойного и беззлобного отца дерущимся с сарабельцами. Да еще с камнем наперевес, бегущим на какого-нибудь мальчишку. Спрашиваю:

– И ты тоже дрался?

– А как же! Все дрались. Все бегут и я бегу.

– Ну и как, огрел кого-нибудь каменнойгой?

– Нет. Бегать бегал, камни брал, а чтобы в кого-то кидать...

– Значит для «массовки» ходил. Ну и, слава Богу, что не кидал.

Так мы поговорили с отцом на эту интересную тему. А ведь эти сражения местного значения проходили уже после войны, на сломе сороковых и пятидесятых годов.

РАССКАЗ О КРЕПКОЙ РУКЕ

Моя мама множество баек и анекдотов знала. На работе лечила больных не только таблетками и уколами, но и добрым словом. Помнят ее сельчане озорной и веселой. Больница была для многих единственным местом, где они могли законно отдохнуть от бесконечной работы, от хозяйства. В непринужденной обстановке, когда свободного времени у людей было много, они рассказывали о своей жизни, переживаниях, делились самым сокровенным. А для моей общительной, энергичной мамы это была та благоприятная среда, где она могла проявить свои лучшие душевные качества. Порою человеку достаточно, чтобы его просто выслушали, а иной раз помогли простым житейским советом. Мама и выслушивала, и помогала советом, и ободряла словом, и порой плакала вместе с больным, сопереживая ему, ведь моя мама и сама много пережила в своей жизни. Дома она частенько рассказывала о чужих судьбах, а я слушал ее неторопливые рассказы и, таким образом, был причастен к судьбам моих односельчан.

Долгое время работал водовозом в больнице невысокого роста, кряжистый пожилой мужчина. Помню удивительные его глаза небесного цвета, доброе лицо. Его все звали дядя Ваня. Дядя Ваня Протопопов. Как-то у него сломался телевизор и отец попросил, чтобы я увез его на мотоцикле к Протопоповым, которые жили на другом краю села, на улице Береговой. А сам я поехал на рыбалку. Я вернулся домой с хорошим уловом. А когда собрался ехать за отцом, мама наказала прихватить рыбы и для дяди Вани. Тогда она и рассказала мне о его судьбе.

– Когда дядя Ваня был парнем, с ним произошла беда. Шибко крепкая у него рука была, через нее и грех на душу взял. Не то на Масленицу, не то на какой другой праздник, сошлись на ледяной протоке, на кулачный бой, Чистый Яр на Сарабель. Не брал их мир, будь они неладны. В Чистом Яре все казаки жили, а в Сарабели приезжие – «хохлами» их прозвали. Ударил дядю Ваню сарабельский парень – он устоял на ногах, только кровка ниткой брызнула на снег. Очередь за дядей Ваней. Вдарил, да насмерть захлестнул того. Грех на душу взял, неповинную душу порешил. Тогда за это не судили, на игрище дело ведь было. Только он сам себя исказнил с той поры, все чудился ему убиенный парнишка. Перед глазами стоял. И дал он себе зарок с той поры никого пальцем не трогать. И сдержал бы его, если бы не война. Война развязала руки. Всю войну в пехоте прошел до самого Берлина, вся грудь в орденах и медалях у него. Сколько раз в рукопашную ходил. Страшное дело, не приведи, Господи, – мама смахнула слезу кухонным полотенчиком, помолчала немного, переживая чужую боль. – Он много мне сам чего порассказывал. Немцы крепко воевали. Только как в рукопашную пойдет, все этот мальчишечка убиенный перед лицом его так и стоит, будто ведет его. Бежит на дядю Ваню немец, выше его, крепче с виду, а он его хлестанет – вповалку, другого – с ног долой. Насмерть их валил с одного удара. Крепкая у него рука! Даром, что он невысокий, а силища в нем огромная была.

Набрав окуней на уху да на пожарку, я ехал к дяде Ване с новым чувством глубокого уважения. Я до сих пор горжусь тем, что жил в одном селе с таким человеком.

Дядя Ваня дожил до глубокой старости. Только судьба обошлась с ним несправедливо. Женщину, с которой он состоял в совместном браке и не имел с ней общих детей, забрали к себе ее дети. А его забрали к себе свои. Так, в разлуке, и доживали свой век два близких друг другу человека.

РАССКАЗЫ ОБ ОДНОСЕЛЬЧАНАХ

Еще мне рассказывала мама:

– Жил у нас в селе Попов Федор Григорьевич. Он из настоящих казаков. Чистоярский родом. Умер в 1976 году, ты его не помнишь, наверное. Строитель он был. Хорошо строил из камня – один к одному камешки подгонял. Все каменные работы в деревне он делал. Помнишь, мы на краю села еще жили, так вот базу те все-все Федор Григорьевич выложил. Самокрутки смолил одна за другой. Выпивал, что греха таить. А как выпьет, скрипит зубами так, что любого поднимет, все войну вспоминал. Трезвый не шибко разговорится, а поддаст, душу вывернет наизнанку. И тогда признается: «Вы ведь думаете – пьяница ты, Федор Григорич. Это я сейчас такой, прошлое заливаю – все никак позабыть не могу. И может, меня за это и не стоит уважать. Только видели б вы меня в войну». И начнет рассказывать. Его три раза немцы вешали за ноги. А он убегал. Они с собаками по следу, а он в болоте отсидится и ночью опять идет. Мосты взрывал, дороги... Прозвали его не то «черный волк», не то «черная змея», уже не помню, давно это он рассказывал. Одним словом, «черный кто-то». Видать, шибко он им насолил, раз так прозвали его. Объявление висело – за голову его деньги давали. Наши начальники за его геройства дважды к званию Героя Советского Союза представляли. Да за какую-то мелочь или оплошность, ни разу не присвоили. Характер у него тяжелый был. Скорее всего, за это, за характер его непокладистый и не дали. Но у него медалей и без того хватает...

Галкин Александр Иванович рассказывал:

– У отца моего, Ивана Порфирьевича, был друг. Алексей Ельцов его звали. По всем приметам он должен приходиться родней атаману Ельцову, что погиб в Гражданскую. Родом он из Малокрасноярки, потомственный казак. А призывался он из Большенарыма. Полк формировали в Алма-Ате. А назывался, насколько помню, «Отдельный Стрелковый Сибирский Сталинский полк». Отец все Ленькой его называл, друга своего. Никогда не унывающий, веселый человек был. У него безвыходных положений не бывало. Лихой был человек, сорвиголова. Раз попали они в окружение, загнали их немцы в болото. Двое суток безвылазно сидели в ледяной воде, края уже заморозило, а они в середине сидели. Потом к своим пробилась. В другой раз отец вместе с этим Алексеем Ельцовым прикрывали отход своего взвода, стояли в боевом заслоне. Заняли позицию на склоне, в окопчике. Отец – пулеметчик. Встретили карательную бригаду СС пулеметным огнем. Затем с автомата Дегтярева косили. А он на втором патроне после половины харкает, не стреляет. Заклинил. Отец его о бруствер хрястнул. Другим отстреливался. Пока отходил Алексей Ельцов, его прикрывал отец. Потом прикрывал Ленька отца. Когда отец назад полз, ему на спине прострелили вещмешок с провизией. В лесу, где их должны были поджидать свои, их не оказалось. Догнали часть свою, а лейтенант и не чаял уж их живых увидеть, просил простить за то, что не предупредил их об отступлении, срочный приказ был от командования.

На отца во время войны приходила из части бумага, что он без вести пропал...

Осенью 1944 года Ельцова Алексея комиссовали домой по ранению после госпиталя. Ранение он получил в бою, выносил на себе из боя раненного офицера. Осколком мины Ельцову срезало на руке пальцы. Отец мой вернулся домой

после госпиталя в начале 1945 года. Хотел навестить своего лучшего друга, в Большенарым поехал, в гости к другу. А Ленки уже не было в живых. В то время привезли высланных с Кавказа чеченцев. Так вот, один из них убил батиного друга ножом в спину. На суде сказал, что спутал его с кем-то.

Мама рассказывает:

– Идришев у нас в больнице лежал. Он крепко воевал на войне, много раз ранен был. Сам росточком маленький был, худой, все вены наружу на ногах. Его сын Илюбай приходит как-то раз к нам и говорит Алексею: «Отец, приди, пожалуйста, сделай телевизор». Конечно же, Алексей пошел: «Как я не пойду, раз он меня «отцом» назвал!» И пошел, и сделал. Жили Идришевы бедно, но культурные люди были. Вскоре они уехали из села не то в Подгорное, не то в Каракол. А потом сказали, что этот Илюбай разбился на мотоцикле. Жалко. Все мне его отец вспоминается, он много раз говорил: «Если бы не русские, я бы погиб. Сколько раз меня спасали, вытаскивали на войне русские. Я им по гроб жизни благодарен!» А жили они возле пекарни, на Береговой улице, там Бакибаев Каирда, Киященко, Рыбаловы жили рядом. Покуда лежал в больнице у нас Идришев, все время пел «Катюшу» и другие хорошие песни. Все говорил: «Пока живой, буду петь русские песни!» Голос у него был чудесный, звонкий...

Тетя Надя Комова рассказывает:

– Шульгин Геннадий воевал вместе с Серовым на войне. И тот и другой из Чистого Яра. У Шульгина медалей – уйма. Два ордена Славы на груди и прочие ордена и медали. Пришли с войны живые. По такому счастливому случаю наобещал Серов выдать за друга дочку свою красавицу. А она любила Юрченко Николая. Тот красивый, чернявый парень. Упросил все-таки отец свою дочку выйти замуж за Шульгина. Не смогла Зоя отца послушаться. А Шульгин собой некрасивый, глуховатый. Всю жизнь любили друг друга Зоя Серова и Юрченко Николай, но жить вместе не пришлось. Он шофером был, остановит машину: «Позовите Зою». Поят, поговорят, и все. В жизни так часто случается – любят одних, а живут с другими.

Рассказывает Бутина (Галкина) Вера Порфирьевна:

– Был у нас долгое время один председатель сельского совета. Важный такой, любил себе форсу придать. Не столько ворсу, сколько форсу, как правильно говорится. К нему на хромой козе не подъедешь. Когда умер Шульгин Геннадий, этот председатель у Зои Шульгиной выпросил для какого-то дела награды ее мужа. А потом они куда-то исчезли. Проходит время, а у председателя на груди медали заблестели. Откуда бы это? Мой брат Алексей Порфирьевич вместе с ним в Чите в одной части служил во время войны, они пороха не нюхали. С ними еще наш Аниканов служил. Вот брат и говорит своему бывшему сослуживцу, председателю: «Мы с тобой вместе служили, от войны далеко, а медалей у тебя куча. Поделись со мной». Тот надулся, ходит, а медалей не снимает. Тут подходит очередной праздник, гостей поджидаем в село. На «Метеоре» должны к пристани причалить. Тут же все ветераны войны собрались. Среди них Костя Шестаков. Вот у кого еще медалей полна грудь! Он танкистом был, горел в танке. Прямой мужик был, в лицо говорил, никого не боялся. Тут и попался ему на глаза председатель-«орденоносец». Отбрил он этого «героя», будь здоров. Говорит ему: «Вот, оказывается, где Шульгина награды хранятся». И наказал тому, чтобы он медали назад вернул.

Бутина Вера Порфирьевна рассказывает:

– Вот с братом моим Иваном Порфирьевичем раз произошло, прямо не знаю, как объяснить... Они только-только Киев взяли, от немцев еще след не остыл. Пошли с командиром попроситься на постой. Подошли к дому. Добротный большой дом стоит. Постучали. Выходит женщина. Увидела Ивана Порфирьевича и ахнула:

– Вылитый Порфирий!

А он говорит в ответ:

– Да, я сын его!

А она радостная-прерадостная, обнимает его:

– Как ты на него похож!

Надо ведь такому случиться – к родной тетке зашел, не зная про нее совсем. А ей-то, какое счастье – город от врага освободили и первый русский солдат, который к ней постучался, оказался родным племянником. Божье участие в этом, не иначе. Сестра отца в какую пору еще со станицы Красивой в одно время выехала с отцом нашим да в Киеве и оказалась. И вот какая встреча вышла через столько лет. Иван Порфирьевич нам сразу с войны об этом написал, как только Киев взяли.

ФРОНТОВИК

Зимой 1945 по проселочной дороге от Батов возвращался домой с войны раненый солдат. На голове у него была одета кубанка, с которой он не расставался всю войну. Высокий, подтянутый, он шел широким, уверенным шагом. До родного села оставалось совсем немного, он уже различал дома на родной окраине. Разгоряченный от быстрой ходьбы, он расстегнул шинель. Иногда порывами ветра приподнимало левый край шинели, обнажая гимнастерку, густо усеянную орденами и медалями, среди которых красовалось два ордена Славы... Правая рука его, прижатая к груди, висела на повязке. Солдат возвращался из госпиталя, где провел несколько месяцев после тяжелого ранения. Война для него закончилась, он сделал все возможное, что от него зависело. И в том, что наши войска приближались к Берлину, была и его посильная заслуга. В вещмешке за спиной он нес с войны гостинцы своим домашним.

До Сарабели оставалось совсем немного, когда он увидел на своем пути всадника, впереди которого с плачем бежал мальчишка. Это был аульный подросток Омаров, которого прозвали «красивым». Высокий и крепкий джигит иногда нагонял свою жертву, пуская в ход плеть. И тогда мальчишка приплясывал от боли и с воем пускался от напиравшего коня. В азарте всадник даже не обратил внимания на одинокого путника, который, поравнявшись с ним, выхватил у того плеть и здоровой рукой стянул его на дорогу. Солдат действовал стремительно, как в бою. Все произошло так быстро, что джигит опомнился только на земле. Подмятый незнакомцем, он попытался встать, но хватка руки солдата была подобна капкану и локоть, прижавший грудь, показался стальным. Солдат выдохнул в лицо поверженному, уже немолодому человеку:

– Еще раз поднимешь руку на ребенка, не посмотрю на твою седину, отлуплю. А на первый раз, из уважения к твоему возрасту, я тебя не трону.

Когда всадник поднялся с земли, оглядел с ног до головы солдата, у которого через шею тянулась повязка, державшая правую руку, на распахнувшейся под шинелью груди блеснули два ряда боевых орденов и медалей. Немолодой джигит, отряхнул с себя снег, оглядел солдата с ног до головы и на чистейшем русском языке спросил:

– Ты чей, солдат?

– Галкин, – ответил солдат.

– Порфирия сын? – уважительно спросил бывший бай.

– Да.

– Знаю отца твоего. Ну, тогда с возвращением, земляк. Завтра жду тебя в гости.

Так Иван Порфирьевич Галкин вернулся домой, в Сарабель, один из первых вестников грядущей Победы. Весь вечер и всю ночь до самого утра в селе от счастья изводилась гармошка, пели советские песни, особенно фронтовые, и вспоминали казахи. На другой вечер ко двору Галкиных прискакал всадник, ведя за собой доброго коня, который предназначался фронтовику – его приглашали на той (праздник) в аул Акчуку. Вчерашний немолодой джигит оказался не кем иным, как председателем колхоза в этом ауле. Кто не знал до революции знатный байский род Тунгушпаевых? Говорили, что он еще при царе учился в России. А в революцию отказался от всего, да еще и в колхоз вступил, стал его директором. Мудрый был человек, только иногда забывался, любил язык камчи (плети). На тое в Акчуге, устроенном им по случаю возвращения с войны фронтовика, Тунгушпаев был щедр на угощения и признался, что Иван – первый человек, который смог его остановить: «Спасибо тебе за добрый урок. Ты близкий мне по духу. Будешь мне названный сын». А вскоре помог ему устроить личную жизнь. Облюбовал нового агротехника Любу Немчинову, что в июне приехала в Чистый Яр, сразу же назвал ее «снохой», и пообещал выдать замуж за своего «сына». Горбоносый парень ей не приглянулся при первой встрече, но он был настойчив, и в августе они уже сыграли свадьбу. Это был второй брак Ивана Порфирьевича.

Еще 1938 году он женился на Пелагее Воробьевой, которая тоже была родом из Сарабели. От этого брака 8 марта 1941 года у них родился сын Михаил. Что случилось у них весной 1945 года, когда Иван Порфирьевич пришел с войны, трудно объяснить. Его сестра, Вера Порфирьевна Бутина, рассказывала: «Тогда он работал бригадиром, а она трактористкой. Но вскоре с Пелагеей он жить не стал. Говорили, что она его крепко ревновала, ведь вдов в ту пору было много. А сын Ивана Миша пошел в нашу породу, крупный, высокий. От Воробьевых он взял ихний разговор в протяжку, тянет, когда говорит, только и всего». Позже Пелагея вышла замуж за целинника Леонида Смирнова.

ВЕРА ПОРФИРЬЕВНА

Дом Веры Порфирьевны Бутиной (Галкиной) стоит у нас в селе на Береговой улице. Ей уже за восемьдесят и старше ее из рода Галкиных уже никого не осталось. В надежде собрать хоть какие-то сведения о старине, я забрел к ней на огонек. В отличие от стариков, бабушки охотно делятся воспоминаниями. Они могут не помнить, куда на днях положили какую-нибудь вещицу, но подробно

помнят о том, что случилось в глубоком детстве. Помнят даже, какая была погода на Пасху в каком-нибудь 1933 году или какое она носила платьице в пять лет. Они прекрасно описывают события и дают чувственную оценку людям и их отношениям. Я с детства люблю бабушек. Ох, уж эта женская память!

У Веры Порфирьевны я действительно узнал много интересного, о чем уже никто не расскажет.

– Еще в начале прошлого века, когда там переселяться стали, точно уже не скажу, из Кубани наши отправились на Алтай. Много народу было, 11 больших семей. В основном из станицы Красивой. Головановы со станицы Подовка. Вся родня в куче ехала, а, сколько всего было? Неизвестно! Собрали все свое добро – лошадей, косилки, лобогрейки и отправились вдаль. Сколько ехали, год или два, тоже не известно. Знаю только, что в дороге много народу поумирало. У бабушки моей, Евгении Силаевны Галкиной (в девичестве Немчиновой), муж в дороге умер. Из детей в живых остались только Порфирий Петрович, Евгения Петровна и Нина Петровна. Остальные не доехали. Сначала остановились там, где сейчас стоит Мариногорка, но там нашим не понравилось, и они поехали дальше. В Мариногорке остались наши родственники Немчиновы. Так Галкины оказались на берегу Иртыша.

Евгения Силаевна была крупной, здоровой женщиной. Боевая она была, хозяйство большое держала, в руках все кипело у нее. Вскоре Евгения Петровна, отцова сестра, вышла замуж за Голованова Василия. А его забрали на Первую Мировую войну и убили там. Пять лет пожила она в семье мужа, а потом вернулась домой, к Галкиным, и прожила с нами еще 25 лет. У Галкиных была своя заимка – Куроферма. Там молотили зерно, хлеб пекли, люди там жили и по найму работали. А старшая отцова сестра, Евгения Петровна, командовала. На камне там набито было ГПП – Галкин Порфирий Петрович. И колодец тоже подписан был. До чего в нем вкусная вода была!

Отец мой, Порфирий Петрович, тоже воевал на Первой Мировой. Под газы попал. Еще Марочкин из села Подгорного вместе с ним травлен газами был. На Первую Мировую ушел и не вернулся двоюродный брат отца – Сергей. У него невеста была в Большенарыме. Сильно они любили друг друга. Как вечер, он на коня и за Иртыш к ней. Свадьбу сыграть не успели, он на войну ушел и погиб. А она родила от Сергея сына и дала ему фамилию Галкиных. Всю жизнь она его и любила, замуж ни за кого не выходила. Так что и на том берегу есть родная кровь Галкиных.

У отца моего, Порфирия Петровича, усы черные, борода пушистая. Он рисовал хорошо. Ножницами вырезал из бумаги художественно – и верблюда, и коня, и прочее. В Сарабели была красная, черная и синяя глина. Отец художник был, глиной на стене рисовал, чуть ли не ковры получались. Все говорили – богатые, мол, красоту такую имеете.

Из воспоминаний Галкина Александра Ивановича, которому в свое время рассказывал его отец Иван Порфирьевич: «В семье девчонки отца звали «папашка», а парни в основном «тятя», а маму только «мамой» звали и никак иначе. Бабушка была в девичестве Половокова. По словам родни, красивая была женщина. Она гусей пасла, когда ее увидел Порфирий Петрович. С той поры стал за ней ухлестывать. Он был видный собой, породистый казак. В ту пору между Чистым Яром и Сарабелью на праздники 2-3 раза в год кулачные бои устраивались. Оба

села на гуляния собирались. Тут-то и решил отличиться Порфирий Петрович, хотел поразить невесту, боец он хороший был. Надел красную рубаху, чтобы по приметней быть в толпе. Сошлись стенка на стенку, бударят друг друга. Налетел в тот раз наш «папашка» на кого-то, крепко припечатал ему чистоярец, аж из стенки его вынесло. Тогда ему не до смеха было. И когда бабушка за него замуж вышла, часто вслух вспоминала ту «масленку», злила его: «А помнишь...»

Вера Порфирьевна продолжает о житее Галкиных в Красивом-Сарабели Тимофеевке: «Чтобы вода дольше оставалась холодной, наливали ее в «кубышки». Это та же тыква, только с горлом. Вырезают верх и очищают ее в середке, и обжигают на огне. В хорошую кубышку можно ведро воды поместить. Еще «крынки» лепили из глины. Вязкая глина у Иртыша, из-под яра брали. Эту глину, как лепешку раскатывают, толстое доньшко делают. Потом глину «жгут» пускают, как на сочни – кругами накладывают друг на друга. Обмазывают, водой смачивают, обсушивают, в печке обжигают, а в конце олифой красят, чтобы блестяла крынка. Олифу сами варили из постного (подсолнечного) масла. Натомят в печке и точно олифа делается. Кисточку, чтобы красить, из чия делали.

– Вот у Вас, баба Вера веничек интересный у печки. Из чего он сделан? – интересуюсь бытом, вспоминая, что у моей бабушки на таком же месте у печи гусиное крылышко лежало.

– Веник из ковыля, 3 завязки делаешь, урезаешь верх, и у печки подмести – хорошее дело, – отвечает мне она.

В доме у нее идеальная чистота, полотенчики чистые, уютно и тепло, несмотря на сорокаградусный мороз. Жаль даже думать о том, что вместе с этими бабушками бесследно уйдет от нас этот старый быт с его душевным уютом, с фотографиями родни на стенах, хранящих глубинную сакральную тайну своего рода – частицы большого народа, с их воспоминаниями и рассказами, с их языком, сохранившим народную самобытность. Бабушка потчует меня ухой и пирогами с капустой. От ее внимательных глаз не ускользает и то, что я «захандрил»:

– Грипп навяжется, не дай Бог. А садится он чертом... Нюхай чеснок, с собой возьми головок. У меня самой здоровья осталось, глядишь, не сегодня–завтра перевернешься...

Возвращаясь к теме старинного житея-бытья, я спросил и про свою родню – Полетаевых. Собеседница ответила:

– Чистоярцы Полетаевы жили богато, хорошо жили. У родителей с ними хорошие были отношения.

– Ну, а революцию как Галкины пережили, ваши ведь тоже не бедные были?

– Те, кто пережил ее, страшные дела рассказывали. Не поймешь, кто кого убивал и за что. У чистоярских казаков Сенотрусовых на штык посадили грудного ребенка и мать кормящую ранили. Озверели люди. Еще про Шульгиных рассказывали, чистоярских казаков. Будто Татьяну их заставили ловить своего быка, которого забирали, а он не давался. И она его не смогла поймать. Попробуй, поймай быка-четырёхлетку! Ее плетями насмерть запороли. Тетя Поля Гончаренко напугалась и раньше времени родила двойняшек, умерли. Мстили друг другу. У Юрченко, в Сарабели, двойня ребятишек была, их обоих – за ноги и об печь насмерть захлестнули. А другой раз погрузили молодых девчонок чисто-

ярских на арбу, повезли насиловать, да Кирко заступился за них, председатель сарабельский был, отбил. Тут братоубийственная война стояла, охрана пришла на пароходе, и тихо стало.

В груди этой информации трудно разобраться, даже хорошо зная историю своего края. Последняя фраза о пароходе несколько приоткрывает завесу. Речь идет о казаче-крестьянском восстании 1920 года, а в данном случае о бое между Чистым Яром и Сарабелю. Более конкретно об этом высказался сарабелец Павел Яковлевич Балахонов, 1926 года рождения: «Шульгины да Вязигины командовали в двадцатом году восстанием. Если бы не баржа с красноармейцами, что остановилась в Сарабели, перерубили бы чистоярцы сарабельцев». Если с «охраной на пароходе» становится все ясно, что это красные, то и про убиенную Татьяну Шульгину тоже можно смело сказать, что она погибла от рук красных, либо до восстания, либо после, когда казаков в станице не было. Вряд ли бы казаки спокойно наблюдали, как измываются над их женщинами. Скорее всего, это было мщение за восстание, победители отыгрывались на семьях зачинщиков, как и в случае с атаманом Ельцовым, родителей которого казнили ранее этих событий. Не буду углубляться в рассуждения и принимать позицию одной из сторон, ведь не все чистоярцы были на стороне белых, как и не все сарабельцы – на стороне красных, как это покажет дальнейший рассказ Бутиной Веры Порфирьевны.

– Когда нас раскулачили, один дом забрали, деревянный. Три комнаты в доме. Там жила бабушка Евгения Силаевна. В ту пору у нее жила на квартире учительница. А как дом забрали, она ушла к сыну Порфирию Петровичу в саманный дом. У него построек много было: и баня, и сарай. Отец в ту пору отлучался часто, месяц-два его не бывало дома. Дети даже не знали, куда он уезжал. Дома сказали, чтобы молчали о нем. Казаков вел он. Про него не говорили, чтобы не отняли последнего. А у нас тогда коров и лошадей забрали, и лобогрейки... Коров кто забирал, не знаю. А одежду, зерно – Степан Бойко. Все до зернышка выметал, всех обчищал. Боялись его в Сарабели. Он сам составлял списки по раскулачиванию. И вот направился к Галкиным. Бабушка моя Евгения Силаевна еще стерпела, когда дом забрали, когда всю живность увели со двора, когда зерно выгребали... Но когда Бойко заявился вещи из дома забирать, Евгения Силаевна взяла вилы, встала на порог и никого в дом непустила. Так и сказала: «Вот что, Степа, я тебе скажу. Пойдешь, запорю тебя. Ты меня знаешь!» И ничего им не дала. Постояли узаконенные разбойники, покрутились у дома, глядя на дородную женщину, и нырк со двора.

У Сарабели остров был. Туда загнали коров, которых забрали у людей. Городьбу из бревен соорудили. А Евгения Силаевна пошла на другой день с ведрами за водой на Иртыш, да окликнула по имени быка своего. А тот услышал хозяйку, сломал заплот, и поплыл домой, а за ним весь скот вплавь. И больше никто про скот не спрашивал, не забирали больше. Обошлось.

Евгения Силаевна боевая была, крупная женщина. Напоследок в колхозе она бахчи охраняла вместе с бабушкой Шкелевой.

Доскажу заодно и про Бойко, из-за которого два раза чуть отца не посадили. Породниться нам с этим нехристом пришлось, куда от судьбы уйдешь. Сестра Бойко вышла замуж за племянника отцова двоюродного брата Михаила. Он участвовал в Маньчжурских боях, а погиб не то в Финскую, не то в Отечественную.

КЛАД СОКОЛОВА. СТОЛЯРОВЫ. БУТИНЫ. УСТИНОВЫ

Большинство казачьих семей, основавших Чистый Яр в 19 веке, были выходцами с Бийской линии. Столяровы, Бутины, Устиновы, имеющие между собой родство, а также Шульгины, Чанцевы и некоторые другие приехали в Чистый Яр из-под Бийска. Хлыновские тоже оттуда, и, скорее всего, являются родней генералу Корнилову. Как известно, мать известного генерала – Прасковья Ильинична Хлыновская, была родом из станицы Кокпектинской, что неподалеку от нас. Ее корни тоже тянутся к Бийской линии.

До сих пор многие земли, принадлежавшие Чистому Яру еще до революционной поры, имеют фамилии зажиточных и очень богатых людей, большинство из которых – казаки: Портново, Четверяково, Соколово, Степаново, Чикеево, Кузнецово, Карыпово, Шульгино, Камбалино... На сегодняшний день в селе не проживает ни один представитель этих фамилий.

Земли Чистого Яра и Сарабели разделяла так же, как и села, Сухая речка. По правую сторону – земли чистоярские, по левую – сарабельские. Справа – Точильное, Кресты, Сухой Лог. Слева – Крынычки, Лазичка, Куроферма.

Глядя на все эти названия, мне в голову пришла вот такая мысль, четко подтверждающая, что одними из первых поселенцев в Красивом (Сарабели) были именно Галкины. И, скорее всего, это произошло до знаменитой Столыпинской реформы. Хотя официально годом образования Сарабели считается 1911. Начну с того, что название участка сарабельской земли «Куроферма» «выбивается» из ряда украинских названий. Если поставить себя на место любого переселенца, то что мы сделаем первым делом в чужом краю? Мы постараемся окружить себя родным и близким, тем, что греет нашу душу и помогает нам легче «вжиться» в чужую землю – родные названия, родственники, земляки. Отсюда и первоначальное название села – Красивое, в честь кубанской станицы. Старики утверждают, что именно чистоярцы настоятельно требовали вернуть прежнее название этой местности – Сарабель. В Горном Алтае и сейчас есть такое название. Вернемся к сарабельскому местечку с названием Куроферма. Здесь находилась заимка Галкиных с постройками и камнем, на котором было выбито «ГПП» – Галкин Порфирий Петрович. А иметь заимку с хозяйством, с поставленным на поток делом, с наемными рабочими в те времена считалось если не богатством, то, по крайней мере, ставило ее хозяина в разряд зажиточных людей. Сколько понадобилось времени вдове Галкиной Евгении Силаевне, похоронившей в дороге мужа и нескольких детей, с тремя детьми на руках, чтобы не только «обжиться» на новом месте, но и крепко стать на ноги? Не год и не два! Десяток, а, может, два десятка лет! Неужели бы из сотен прибывших сюда украинских семей, этого работающего народа, не нашлось хотя бы одной, крепко ставшей на ноги? Почему за украинскими Крынычками и Лазичкой не закрепилось «фамильной» принадлежности? Почему не «загремели» фамилии Усыпенко или Руденко наряду с чистоярскими Камбалиными и Соколовыми? Да потому, что чистоярцы почти два поколения прожили здесь до появления первых украинцев, поселившихся здесь всего за шесть лет до революции. Землищи на Алтае – уйма! Но лучшие земли были заняты.

В недавно найденных архивах Гончаренко (Вязигиной) Тамары Владимировны, в двух тетрадях известных сарабельских активистов начала советской поры, идет

дискуссия о первых поселенцах в Сарабели. Галкины там даже не упоминаются. Один из них, печально известный Степан Бойко, выгребавший у людей зерно, конечно же, имел к Галкиным кроме обычной зависти и классовую неприязнь. Победившие большевики теперь писали новую историю. Молодое село, названное в честь легендарного красного командира Никиты Тимофеева, прогремевшего на весь край своей боевой революционностью и борьбой с белоказачеством, должно было вести свое происхождение от беднейших слоев.

СТОЛЯРОВЫ. Корни Столяровых тянутся под Бийск, в станицу Антоньевскую. Говорят, что там, в семье Столяровых умирали дети один за другим. А по соседству жил калмычонок, сирота. Его усыновили Столяровы и дали ему русское имя Иван. Ивана вырастили, воспитали и женили на русской девушке Вере Прокопьевне. От этого брака родилось 11 детей. Так продолжил свое существование род Столяровых. От того же калмычонка ведут свою родовую линию – Бутины и Устиновы. По внешним признакам в них сейчас уже не увидеть ничего азиатского. Переборота русская кровь в течение нескольких поколений кровь калмычонка Ивана, благодаря которому сохранилась казачья фамилия. Приземистый, видать, был предок у Столяровых, широкоскулый. Таков дядя Миша Столяров. Если и стали вытягиваться вверх молодые Столяровы, то это уже заслуга женской ветки столяровской фамилии.

Богатые были Столяровы. Было им, что терять в революцию, потому и ушли в Китай Семен Егорович и Андрей Иванович. Первый прекрасно знал китайский язык, был переводчиком. Второй, на свое горе, вернулся и его узнали. В недавно найденных документах двадцатых годов из архива Гончаренко (Вязигиной) Тамары Владимировны фамилия Столяровых встретилась один раз. Контекст документа таков: некий товарищ поручается за Столярова, что он, несмотря на «небедняцкое» прошлое, вполне может быть хорошим комсомольцем.

Столяров Андрей Иванович, пожив в Китае, вернулся на родину, где его вскоре опознали и 1 марта 1938 года расстреляли как «врага народа». Позже он был реабилитирован. В селе проживает его внук – Столяров Михаил Иванович и два правнука – Иван и Федор.

БУТИНЫ. Вера Порфирьевна (в девичестве Галкина) вспоминает своего мужа:

– Бутин невысокий был, хотел посмотреть на детей – в какую они породу пойдут. А они в нашу пошли – высокие, я-то выше мужа была. Михаилу моему так и не удалось на них посмотреть, на взрослых. Когда он умер, ему было всего 42 года, а мне – 35 лет. Почти пятьдесят лет без мужа прожила и ничего: не спилась, не затаскалась. А то любят люди горем своим оправдываться. Мне перед своими детьми не стыдно, с чистой душой я стою перед ними.

Свекровь свою вспоминает Вера Порфирьевна:

– Бутина Прасковья Ивановна, бабушка-казачка, маленькая, шустрая старушка была. Добрая была женщина. Мы с ней душа в душу жили. Сидит она как-то на табуреточке, нюхает табак и разговаривает с соседом: «Ух, эти хохлы, Лешенька, вредные».

А «Лешенька» замечает:

– Так у Вас ведь сноха-хохлушка!

Прасковья Ивановна отрицательно качает головой:

– Э, нет! Энту я сама вырастила. Какая же она хохлушка?!

Вера Порфирьевна смеется:

– Они же, чистоярцы, нас всех под одну гребенку расчесывали: раз с Сарабели, значит хохол. Долго не разговаривали. Прасковья Ивановна Бутина в девичестве была Столяровой. Эх, бабушка-казачка, похоронила она всех своих 18 детей. По два гроба зараз хоронила. И маленьких, и подростков. А как Мишу нашего, своего последнего сыночка похоронила, на внуков надышаться не могла. И после Миши прожила она еще 18 лет. А всего – 98 лет прожила. Я до самого последнего ходила за ней. Где бы я ни села – она ко мне, рядом садится и говорит: «Это я ее вырастила».

КЛАД СОКОЛОВА. Особо хотелось бы рассказать о фамилии Соколовых. Это фамилия-легенда. Мне запомнились с детства те красивейшие места в горах, где находилась заимка Соколова. Строений, конечно же, к той поре уже не осталось. А место это так и называлось Соколово. Мы с отцом там косили сено. Однажды я там увидел трех лосей. А когда мы подошли к роднику, в нем словно дымился от поднявшейся со дна мути свежий след лося, который совсем недавно тут прошел. Как мне нравилось лазать по окрестным скалам! А околки березовых рощ и запах свежескошенной травы! Все это накрепко засело в моей детской впечатлительной душе. А больше всего мне запомнился рассказ отца о купце Соколове. Говорили, что у этого купца была уйма денег. Один раз он поспорил с другим богачом, что вскипятит чайник, разогревая его подожженными купюрами. Много их сжег, а спор выиграл. У Соколова была налажена торговля с Китаем. Он уходил в Китай на пароходе через Черный Иртыш. А когда пришла революция как гласила сельская байка – купец Соколов спрятал деньги, забив ими родник. Там образовался батпак (сырое место, небольшое болотце). И уехал за границу. Говорили, что этот клад искала его родня каждый год. Потом говорили, что он сам тайно вывез свои богатства.

Сколько всяких догадок и небылиц придумали в советское время о нем! Хотя я и слышал о Соколове от своих односельчан не раз, мне казалось всегда, что этого человека на самом деле никогда не существовало. Он был легендой, вымыслом. А несколько лет назад я узнал, что тот самый Соколов прожил всю жизнь в Талды-Кургане. Что его сын, Виктор Петрович Соколов, женат на Таисье Ивановне Столяровой. Я даже видел фотографию Виктора Петровича. Это статный мужчина, красив даже в своем пожилом возрасте, вот уж где чувствуется порода! На его костюме красуется орден Славы, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и другие боевые медали. Говорят, что единственное, о чем он сожалел, так это о том, что его наград не видят те революционеры, которые яростно уничтожали его род. А ведь медаль «За отвагу» – солдатская медаль, и орден Славы – солдатский орден! И получить эти награды можно было только на передовой. Простым солдатом был Виктор Петрович Соколов, сын знаменитого купца, и делил эту горькую чашу войны со всем нашим народом, в первых его рядах.

ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ. ВЯЗИГИНЫ

Вязигины – ведут свое происхождение от донских казаков. Сколько стоит Чистый Яр, столько и живут в нем Вязигины. По всему Иртышу распространилась фамилия, в Зайсане тоже имеется. Крепкий был род, твердо стояли они на своей

земле. Строили дома, обустроивались, вели хозяйство, а лучше всего умели воевать. Верой и правдой служили они царю и Отечеству. Жили безбедно, были состоятельными, но главное, чем они отличались, это своей беззаветной службой. Жили, любили, рожали детей, и сызмала растили своих детей в казачьих традициях. Революцию не приняли, были рядом с атаманом Ельцовым до его гибели, а потом с батинским атаманом Палагиным, бухтарминским есаулом Щербаковым, староалександровским Степаном Злобиным и Павлом Кахановым. Ходили по всему Иртышу с малокрасноярцами и батинцами, от Зайсана до Гусиной Пристаней. Начальник батинского участка милиции Решетников Андрей Андреевич поддержал их, когда Вязигины и Шульгины первыми поднялись на казачье-крестьянское восстание 1920 года. У восстания было мало шансов на успех. С дробовиками, двустволками и небольшим количеством трехлинейных винтовок, с мизерным количеством патронов, шашками и пиками, они пошли против хорошо вооруженных и более многочисленных красноармейцев. В книге историка В.А.Шулдякова «Гибель Сибирского казачьего войска» подробно описана общая картина этого восстания. Приведу лишь некоторые моменты: «Десять станиц Сибирского казачьего войска поднялось до последнего казака. Общее количество мужского населения в них на начало 1916 года составляло 3296 душ, что составляло чуть больше трети всех восставших». Победы восставших на начальном этапе сменились жестоким поражением. О решимости плохо вооруженных, но доведенных новой властью до отчаяния казаков красноречиво «рассказывает» бой за Малокрасноярку, которую защищали сотни казаков из станиц Вороньевской, Черемшанской, Мало-Красноярской, Чистоярской, Батинской, Казнаковской, Больше-Нарымской и Мало-Нарымской (В.А.Шулдяков). Против них выступили: отряд уездного военкома Федорова (2 роты в 170 штыков при пулеметах и 10 сабель), школа 35 запасного полка, пулеметный взвод (5 пулеметов), рота ВОХР (102 штыка, 1 пулемет) с запасом патронов в 66 тыс. штук. На преодоление 19 километров от Черемшанской станицы до Малокрасноярской ушло почти четверо суток. Около двух недель длилось это восстание и было жестоко подавлено. Восставших ожидала жестокая расправа». В.А.Шулдяков в своей книге пишет: «Когда коммунисты занимали станицы, то чувствовали «затаенно-враждебное» настроение оказавшихся в них казаков и казачек. Проходя деревни, повстанцы насильно уводили с собой всех, способных носить оружие. Причем, были случаи зверских расправ казаков над крестьянами, которые не сочувствовали мятежу и отказывались отступать. Части, направленные на подавление, получали указания «не сентиментальничать», «не останавливаться ни перед чем», «расстреливать десятками на месте», «брать заложников», «всех главарей и мятежников расстреливать без суда, применяя к последним террор». При крупных отрядах, действовавших против повстанцев, работали военно-полевые трибуналы». Там же, бывший офицер Императорской армии Корицкий, выслуживающийся у красных, отчитывается: «Сдающихся повстанцев много расстреляно после допросов...» Еще дополняет В. А. Шульдяков: «Но и без трибунала каждый красный командир, каждый красноармеец, каждый боец коммунистического отряда имел право убить всякого повстанца, оказавшего хоть какое-то сопротивление или пойманного с оружием в руках. И этим правом широко пользовались». К зиме 1920-1921 годов население в отчетах одного из коммунистов «просто терроризировано», а настроение у народа он

определяет как «пришибленное». Большевики «дочищают» территорию. Вылавливают скрывающихся в горах партизан. Зимой издали виден дым костра. Василий Егорович Бунеев рассказал, что его двух родственников, казаков Чанцевых, расстреляли, как только они спустились с гор. На лед Иртыша возле Чистого Яра стоняют последних чистоярских казаков, рубят их шашками и сбрасывают в наспех вырубленную прорубь. Глазами одного из участников этой расправы запечатлелось это событие так, что меня через 90 лет после этой бойни бросает в дрожь. Возможно, со временем бы и это событие исчезло из памяти, как и другие кровавые эпизоды братоубийственной войны, если бы не одно обстоятельство. Не осталось имени того свидетеля, но дошла значимая деталь, которая «вросла» в память навечно. Один из казаков был огромного роста и богатырского сложения. Прорубь, которая была приготовлена для казаков, оказалась ему мала. И тогда красноармейцы не растерялись – они не прорубь вырубили под этого казака, а изрубили самого казака и частями сбросили его в Иртыш. Так закончилась жизнь старого сибирского казака Вязигина Федосея.

После окончания медучилища моя мама работала в больнице в Новотимофеевке. До выхода замуж за моего отца, мама жила на квартире у Вязигиных. Старика звали Василий Федосеевич. Это был сын того казненного старика Федосея. Вместе с мамой у Вязигиных жила на квартире их родственница Тамара, которая, выйдя замуж, стала Гончаренко. Работая в сельской библиотеке, Тамара Владимировна Гончаренко собрала небольшой, но ценный материал по событиям 1920 года. Конечно же, события поданы в них односторонне, как и подобает духу времени. Но указываются имена и детали, по которым можно восстановить события – обороны Сарабели по эту сторону баррикад. Уникальны записи уже тем, что в них чувствуется характер участников далеких событий, их атмосфера. С удивлением и «трепетом» обнаружил я среди них записи самого Степана Бойко. Это тот самый человек, который в Сарабели собственноручно выгребал у сельчан амбары, все до последнего зернышка. А потом сел за стол и той же рукой написал о событиях 1920 года!

Жаль, что, имея «под рукой» не менее ценного свидетеля тех событий Василия Федосеевича Вязигина, находясь с ним в непосредственном контакте, Тамара Владимировна не расспросила о восстании 1920 года. Тогда была бы представлена более полная картина, и мы бы узнали о революции и о восстании от людей, находящихся «по ту сторону баррикад». Возможно, такие попытки и были, но вряд ли в то время обрадовало бы родственницу такое знание и тяжелая ноша со штампом «казачьи выродки». Скорее всего, старик сам оберегал родных и крепко хранил тайну о прошлом. Ее поведал он лишь однажды Галкину Ивану Порфирьевичу, человеку, много повидавшему и способному его понять... Через его сына Александра эта история отдаленным эхом докатилась и до меня.

Я родился через три года после смерти Василия Федосеевича. Расспрашивая земляков, я хотел узнать, а каков он был в жизни, Василий Федосеевич? Русый волос, выше среднего роста, спокойный, добродушный. На фотографии 50-х годов ему уже идет седьмой десяток, нет ни усов, ни бороды. Он стоит на крыльце дома в сером простом костюме, внимательно смотрит из прошлого чистыми глазами. Ни тени улыбки, глубокая грусть исходит от его лица.

Василий Федосеевич, как и большинство линейных казаков, свободно говорил на казахском языке. Запомнился оборот речи, который он употреблял: «Холера

двенадцатая». Василий Федосеевич сильно удивился, когда сказали о затоплении в 1959 году: «Откуда они воды возьмут столько, холера двенадцатая? Это ж целое море воды надо, чтобы все затопить!».

Долгое время Василий Федосеевич проработал на мельнице, что стояла в ущелье Канай. Для того чтобы туда добраться, нужно было переправиться через Иртыш. В Чистом Яре был песчаный берег, заросший камышом, шла протока. А в Сарабели открытый глинистый берег, куда свободно причаливал небольшой паром. На этом пароме Василий Федосеевич переправлялся на ту сторону и ехал на своей арбе на мельницу. Дорога шла мимо аула Канай. Завидев издалека знакомую арбу, босоногие аульские ребяташки пускались навстречу «сарчалу» (желтому деду) и облепляли его со всех сторон. В карманах его пиджака был и сахарок для них и конфетки.

Правились Василию Федосеевичу жизнь в уединении. В нужное время он перекрывал горную речку, заставляя ее бежать по отведенному рукаву, через мельницу, и вращать жернова. Кроме мельницы там стояло две избы, баня и склад под пшеницу. Часто на ночевку оставались те, кому не успели перемолоть зерно, сушеную черемуху или другой продукт. Не раз останавливался у него совхозный бригадир Галкин Иван Порфирьевич. В одну из таких ночевок просидели до утренней зорьки мельник и бригадир. Тягучий был у них разговор, неспешный, потому что одному из них нужно было снять камень с души.

Летом 1920 года, когда восстание захлебнулось, Василий вместе со старшим братом Михаилом подъехали к дому в Чистом Яре. Наспех перекусили, и Михаил сообщил домашним о том, что они решили уходить в Китай. В тот вечер между братьями произошел серьезный разговор. Подниматься в горы решили через ближайшее ущелье Бердыбай. Они уже были у подножья гор, когда увидели за собой погоню. Василий замыкал небольшую колонну. Чем выше они поднимались в горы, тем тяжелее становилось на душе у Василия, у которого в станице оставалась молодая жена с грудным ребенком. Он знал, что эта тропа уведет его от них навсегда. На первом повороте он нарочно приотстал от колонны подтянуть подругу и, выбрав момент, развернул коня и помчался вниз. Не было за ним погони. Только четыре звонких пули отправил ему вдогонку родной брат. И еще услышал младший брат себе в спину, как срывающимся голосом ему посылают вслед Михаил только одно: «Будь проклят! За измену казачеству и присяге, будь проклят!» Эхо, ухая по ущелью, однотонно и жутко повторяло: «Проклят! Проклят! Проклят!» Вытащив из сапога приготовленную заранее красную повязку, он прикрепил ее к фуражке и поехал навстречу красным. С этой поры он шел под красными знаменами. Среди них было уже немало верхнеиртышских казаков.

С той поры со старшим братом Василий больше не виделся. Брат ушел, не покоровившись, в свою неизвестность.

Не для осуждения я привел этот рассказ, ибо сказано было Христом: «Пусть первым бросит камень тот, кто без греха». Как бы мы повели себя в данной ситуации – кто его знает? Помнится, у Шолохова Григорий Мелехов в порту под Новороссийском, не имея возможности уплыть, тоже пошел к красным служить. С другой стороны, род Василия Федосеевича продолжился в советскую пору и принес пользу родной земле.

От этой ветки Вязигиных остался еще один брат Антон Федосеевич, который проживал в Риддере (Лениногорске). Вязигины и сейчас проживают в Ново-

Тимофеевке, но это дальняя родня Федосея Вязигина. Кровь этого богатыря течет в его потомках – Гончаренко, Столяровых, Митяйкиных, Шкелевых и, конечно же, в Вязигиных. Это лишь малая часть большого и крепкого казачьего рода, о котором я знаю совсем немного, это капля в большой и сильной реке моего народа.

«КАЖДОМУ СВОЕ»

Эта фраза получила известность как надпись, сделанная немецкими нацистами над входом в концентрационный лагерь смерти Бухенвальд: «Jedem das Seine».

Человек, о котором я поведу дальнейший разговор, был в нашем селе приезжим, родом с Украины.

Его фамилия была Драбатун. Он появился у нас в начале семидесятых. Работал директором школы. Жили они в небольшом переулочке, соединяющем центральную улицу Мира с улицей Береговой. Их семья занимала одну половину в доме на двух хозяев, где вторую половину занимала семья Галкина Ивана Порфирьевича. У Ивана Порфирьевича тяжелые остались воспоминания о войне – захочешь, не забудешь: развороченная осколком правая сторона груди. Правая рука плохо слушалась, и все первое время после войны он упорно разрабатывал ее, никак не хотел записываться в инвалиды. Ему не стыдно было вспоминать пройденный на войне путь: орден Красной звезды, который он получил за уничтоженного снайпера, два ордена Славы и боевые медали. Его уважали все в нашем селе. Он легко сходил с людьми и сразу стал налаживать отношения с новым соседом. Чтобы познакомиться поближе, организовали застолье. Драбатун был умным собеседником, выпивал немного, не позволяя себе лишнего. Он держал себя в руках, поддерживал разговор. Но когда Иван Порфирьевич в очередной раз возвращался к войне, его собеседник отмалчивался или переводил разговор на другую тему. На это не мог не обратить внимания бывалый солдат. Еще он заметил во время такого разговора, как под столом нервно постукивает ногой его собеседник, внешне проявляя полное спокойствие. После первого же знакомства Иван Порфирьевич признался жене: «Что-то он мне не нравится...»

Бутина (Галкина) Вера Порфирьевна рассказывает:

– Детей у Драбатуна было трое, сын и две дочки. Сын у него в ту пору был уже взрослый и свадьбу ему делали в нашем селе. Года два, наверно, он проработал директором в школе, пока его не разоблачили в 1973 году. Иван Порфирьевич догадывался, что его сосед не тот, за кого себя выдает. Раз он видел, как Драбатун – только одну руку опустил на забор и сиганул через него. Выучка в нем сказывалась, натренированный был. Как потом выяснилось, оказался гестаповцем, звезды нашим военнопленным резал на спинах...

Сначала подозрительным показалось одному из учеников нелестное высказывание директора школы о нем. Ну, сделал мальчишка стрижку, чуб оставил... Драбатун тут же сравнил его с Гитлером. Потом внимательный паренек еще что-то заметил, написал своему дяде, живущему на Украине, даже фотографию послал. И так все сложилось, что дядя этого мальчишки, Вяльцев Алексей, сам родом из наших мест, попавший в войну в концлагерь, перенесший в нем массу бед, страданий и издевательств, узнал в том директоре надзирателя из концлагеря. Того самого, который зверски издевался над нашими военнопленными.

А завертелось все дело после того, как случайно встретился с Драбатуном приехавший в гости к племяннику, Ивану Парфирьевичу Галкину, дядька – Галкин Иван Демьянович. Он был председателем сельского совета в Шемонаихе. Дядька гостил у Ивана Порфирьевича и увидел Драбатуна, жившего по соседству, в окно. И опознал. Иван Демьянович спокойный был, а как увидел того соседа, выскочил за ним вдогонку. Подходит к нему: «Я Вас знаю!» Тот: «Вы ошибаетесь!» Иван Демьянович тогда задрал рубаху: «А это чьих рук дело?!» А вскоре и с Украины от Вяльцева в военкомат пришло подтверждение о предателе. Тот еще успел перевестись директором школы в Казнаковку. Так и там его опознал один человек с вырезанной звездой на спине. Не удалось ему избежать наказания.

УЧИТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ

К Эккелю Александру Ивановичу я шел, преследуя две цели. Во-первых, узнать о его собственной жизни в военное и послевоенное время. А во-вторых, он всю жизнь проработал в школе учителем математики и мог добавить какие-нибудь сведения о Драбатуне.

Начиная с Крещения, на Бухтарме недели две, не отпуская, давили сорокоградусные морозы. Внук Александра Ивановича, двухметровый Артемка Галкин, возился с паровым отоплением, которое «прихватило» морозом. В прохладной комнате, в углу, укутавшись в теплую куртку, сидел высокий худой старик, бывший учитель математики. Мы тепло поприветствовали друг друга, пошутили с Артемом насчет того, что деда в войну не заморозили, а в мирное время и подавно беречь его надо. Александр Иванович оживился и у нас завязался разговор.

Александру Ивановичу в 1941 году было 9 лет, когда их семью поволжских немцев выселили из Астрахани в наш край, в Самарку. Мать у него русская – Мазилкина Екатерина Васильевна. Ей в 1941 году разрешили остаться в родном городе, но разве она могла не поехать за мужем в место высылки? Так они оказались в Восточном Казахстане. Александр Иванович недавно отпраздновал свой юбилей – 80 лет. По поводу своих лет он заметил:

– Вся родня по матери у нас долгожители. Меньше 95 лет не жили... – Неторопливо течет наша беседа, Александр Иванович продолжает. – В классе седьмом я переболел малярией, то в жар, то в холод бросало, терял сознание. Два урока отучусь, а домой, помогали пройти... Когда школу закончил, Тихон Порфирьевич Скляр, заврайоно в Самарке, вызвал меня и двух учеников, и сказал, что из нас учителя неплохие выйдут, математику хорошо знаем. Так стал я учителем. Сначала направили меня дальше Пантелеймоновки, в Каинду. Получал 47 рублей. По сравнению с нами сейчас – там жили как первобытные люди. Домики маленькие, нары, стол, ни шифоньеров, ни чего – голо в домах. Там в селе речка бежит, бурная, тоже Каинда называется. Металл добывали в Каинде. Вольфрам, что ли... Мешки вроде как брезентовые, плотные. Четыре мешка на арбу погрузят, лошадь тяжело идет с ними. Из Каинды попал в Чистый Яр. Самое многое получал 120 рублей, но их хватало. А у меня пятеро детей, трое моих да двое Матюшкиных воспитывались у нас, родственники наши. В Чистом Яре были у нас быки. Быков звали Гитлер и Кочкарев.

– Гитлера знаю, а кто такой Кочкарев?

– Кочкарев у нас был председателем райисполкома. Гоню их по улице: «Куда ты, Гитлер! Куда ты, Кочкарев!» Раз даже сам председатель райисполкома слышал, как я погонял пару Гитлера с Кочкаревым. Пожурил за свое имя... А за Гитлера ничего не сказал.

Картошка в первые годы крупная была, хорошо уродилась. А тыква громадная. Запрягу я своих быков, Гитлера и Кочкарева, и еду в поле. Волков много было по одному не ходили.

– Александр Иванович, а директора школы помните, Драбатуна?

– Да всех помню. Парфенова была Александра Прокопьевна, за ней Федоров, Бобровский из Алма-Аты, потом я временно исполнял обязанности директора и ушел ненадолго в район на повышение. После меня был Драбатун, а потом Галкина Тамара Николаевна...

– Меня интересует Драбатун. Какой он был?

– Среднего роста, сухощавый, скрытный. Драбатун не пил никогда, хотя водку на стол ставил, а сам не пил. Боялся, видимо, что лишнего сболтнет. Он появился у нас в начале семидесятых. С год или чуть больше проработал в нашей школе, а потом его перевели в Казнаковку директором школы. У нас его Генка Вяльцев заподозрил в предательстве, отписал дядьке своему на Украину, и через него раскрыли Драбатуна. Я тогда в Самарке был недолгое время. Вызывает меня к себе Чекалин Анатолий Матвеевич: «Поедешь в Казнаковку в командировку на пять дней». А я сразу не сообразил, зачем? Там Драбатун уже директором был. Проверяли, наверно меня. После командировки Чекалин вызвал меня опять к себе и спрашивает:

– Ты знаешь хоть, куда ты ездил?

– Куда?

– Ты знаешь, что Драбатуна разбирали на райкоме партии? С партии его исключили. Раскрыли.

Примерно в то же время в Самарке другого предателя раскрыли, завбазой работал...

Вскоре я засобирился домой, попрощался с Александром Ивановичем. Артем проводил меня до ворот. Солнце клонилось к закату. Оно садилось где-то над Зайсаном, за ровной ледяной гладью Бухтармы, и в настоящем морозном воздухе расплывались очертания уходящего дневного светила, играли яркими красками – сочно-малиновое перетекало в рубиновый, оставив на прощание алый столб света.

БЫЛИЧКИ

Запискам этим больше двух десятков лет. Когда их мне рассказывали, точно не помню, скорее всего, в начале девяностых. Впрочем, у фольклорного рассказа есть особенность: он не меркнет со временем. Он будет существовать, пока существует народ. Разные сказители озвучивают перекликающиеся сюжеты со свойственной каждому из них манерой пересказа. Я не случайно объединил под одним заголовком рассказы двух разных сказителей, близких мне людей, мамы и тети Нади. Приведу их так, как слышал.

Первые три рассказывала мне мама.

Быличка первая.

Как-то раз у нас в больнице лежала женщина по имени Зина, самарская. Высокая, красивая, черноглазая. Воспалились суставы, ревматизм, температура высокая. Давно это было, я уж точно и не вспомню. Вот эта Зина и рассказывала. Было у нее трое детей. Старшего звали Сережка, ему лет семнадцать-восемнадцать было, второму сыну двенадцать и девочка грудная была. Муж возил лес на большой машине. И вот он заболел. Направили его на лечение в область. А сам здоровенный был, говорит ей: «Приболел я, Зинулька. Ты не переживай, я вынесу любую операцию». А не вынес. Похоронила мужа. Стала страшно по нему скучать. И он стал приходить к ней по ночам. Говорит ей: «Завтра доски убери с глаз – ворованные они». Стала убирать с детьми, чувствует, кто-то в затылок сопит, вроде как он ей помогает. Вечером опять пришел, говорит: «Мне Сакен деньги должен за бревна, позвони ему». Позвонила она Сакену – точно, должен. Сказал, отдаст, как только с ним рассчитаются. А муж каждую ночь к ней похаживает, спит с ней. Когда Сакен отдал деньги, муж той же ночью ей говорит: «Купи Сережке костюм бостоновый, хороший. Ему в армию скоро». Купила. Пришел, проверил. А она все худеет и худеет, лица на ней нет. Тем временем Сережка надумал жениться. Привел домой девчонку, немочку. А муж по ночам так и ходит по-прежнему, хозяйничает: «Ты опять дочку с краю положила!» Недовольства высказывает. Соседка бабушка заприметила, что с Зиной неладное что-то творится, видит, что та изошла на нет, спрашивает ее: «Никак, Зина, с тобой неладное что-то происходит? Как своего схоронила, так вся высохла. А не приходит ли тебя проведывать муж?» Она и созналась. Бабушка ей тогда говорит: «Да не муж это сроду. Это бес в облике твоего мужа. Посмотри ему на ноги. Вместо ног у него копыта. Как придет, обматери его по-матерски, лупани его первым, что в руки попадет!» И вот наступила ночь. Пришел опять ночной хозяин, командует, как и раньше, ничего не подозревает. Глянула Зина в ноги, а там и вправду копыта. Обругала его как могла. Тут ветер сразу завихорил. Слышно – копытца процокали от нее. Окна хлопнули только, открылись, и ветер сквозной зашумел. С той поры и след простыл его.

Старший сын вскоре ушел служить. Попал в Байконур и через полгода ослеп, облучился. Написали домой. Сноха собрала вещи и ушла, испугалась. Но ему сделали операцию, заменили хрусталик, и он стал видеть на один глаз. Сам письмо написал. А потом еще и в отпуск пришел. Жена-то вроде вернуться к нему уже не против, а он отказал ей. И ушел опять служить. В то время Зина как раз у нас в больнице лежала.

Быличка вторая.

Мельникова, уж не помню, как ее звать. Тоже самарские они. Муж хорошо на баяне играл. Он на машине работал. Приехал с работы на обед. Сели в летней кухне, обедают. Машина у дома стоит. Вдруг послышался звук баяна в доме. С чего бы это? Муж ее посылает, говорит: «Поди, посмотри, кто там играет?» Пошла, посмотрела, никого. Вернулась, а он крошкой подавился тем временем, пошinel и умер. Отвлек кто-то...

Быличка третья.

Давно это мне рассказывали. Про солдата старого. Ни имени, конечно, ни фамилии от него не осталось. Говорили, что много он воевал еще при царе. А в революцию за бедных был. Тут-то у нас, на Алтае страх, что творилось в ту пору.

Его все в лицо знали, а взять не могли. Устраивали на него облавы. Окружат кругом место, где он находится, а его нет, как в воду канет и все. Только видели каждый раз красного волка неподалеку. А это он был, превращаться умел. Так и не изловили его. Мне про него старые люди рассказывали.

Быличка четвертая и следующие от тети Нади Комовой.

Как-то раз возвращались мы с моим Мишей Камбалиным с того берега. В Серебрянку ходили. К Юпитеру подошли, на нашу сторону, уже теметь была. До дома еще верст пятнадцать, как ни больше. Решили заночевать, а что еще делать, зима! Стучимся в крайнюю избу. Там бабка старая жила Дуня Махонькова. Муж у нее умер, колдун был. Просимся у нее на ночлег, пусти, мол, бабушка, нас переночевать. А она на лавочке сидит и говорит: «Я бы не прочь, ребятешки, да только сбежите ведь посередеь ночи... Муж, покойничек, кажную ночь домой ходит, измучил уж. Шумит, буянит. Одним словом, хозяйничает, все я не по его делаю. Живому угодить не могла, а мертвый еще вреднее стал». А мы стоим в пороге, греемся. А старуха помолчала да и говорит: «Не дождусь уж, когда весна настанет. Я ему, окаянному, по весне пойду на кладбище кол осиноый в могилу вобью, чтоб знал, подлюка, как людей мучить». А нам посоветовала идти к соседке Дуне Бережновой. Сгреблись мы с Мишей и пошли в другую избу. Там нас приняли и дали ночлег нам, раньше ведь не отказывали ночёвщикам. Так Дуня Бережнова, бабкина соседка, подтвердила, что действительно навевывается покойничек к бабушке Махоньковой, мучает ее. Было такое раньше на самом деле.

Быличка пятая.

В Старой Песчанке колдунья жила. Раньше это было, я сама не видела, а старики песчанские рассказывали о ней. Как вечер, распустит волосы, гребнем расчесет волос и начинается. Тихо кругом, ветра нет, а деревья шумят, перевертывает их всех. Она то в коня, то в жеребенка, то в собаку, во что хочет, в то и превращалась, и понеслась... Все соседи знали об этом и боялись ее. Но она их не трогала, говорила: «Вы меня не бойтесь». Плохого им ничего не делала.

Быличка шестая.

Раз со мной случилось не понять что. Это я еще молодой была. Мы одно время в Алма-Ате жили. Решила я в церковь сходить. Люблю слушать, как в храме поют. Подошла к крыльцу, а там крыльцо высокое, перекрестилась, только ногу на ступеньку занесла, как сразу наверху оказалась. Как кто перенес меня будто. И ничего я не поняла. Кто меня туда перекинул, сразу с первой ступеньки на последнюю...

Быличка седьмая.

Это еще в Чистом Яре было... Раз мы с матерью покойной пошли в баню к Бутиным, Прасковье. Она говорит: «Идите, помойтесь, там вода и жару полно». Ну, мы и пошли с матерью. Залезли на полок, только начали мыться... А под полком сначала ка-а-ак што-то шлепнулось, ка-а-ак кто-то упал под полком, а потом зафыркал... А мы ка-а-ак деранули оттуда... Так больше в баню и не пошли.

Быличка восьмая.

Мы с матерью поздно вечером пришли с бани, у соседей мылись. А милузга уже спали. Тогда воровство такое было, да еще волки. А у нас две комнатки были небольшие, там был деревянный пол, а здесь был земляной пол. Мы в одной ютились все, а в другую заводили корову. А она отелилася, а теленочка туда же, где спали – в уголок привязали его. А вот так вот дверь открывалась,

стойка там стояла, подпорка. И мы сидим с ней, поздно было. А окна завешивали, чтоб никто ничего не смотрел. А света-то не было, с коптилкой. Сидим, я расчесываюсь, она сидит, расчесывается. Кто-то постучал в дверь. Я говорю: «Мамка, кто-то стучится». Она вот так рукой махнула. Второй раз постучал. Она: «Кому надо, подойдите к окну, я ночью никого не пускаю». А двери закрывали – две двери вот так вот закрыли, поперек ухват и на крючок. Вот так вот ухват поперек ложили в той, первой комнате, и еще веревкой приматывали. А в этой крючок был – молотком открывали и закрывали, его не откроешь так. Ка-а-ак распахнулись все двери настежь! И вот эта дверь ка-а-к об косяк ударилась! Тело ка-а-ак соскочил в угол, ка-а-ак заорет! И ветер по дому! И огонь потух. Она меня взяла, за голанку затолкала. У нее всегда были припасены спички. Зажгла и пошла закрываться снова. Вот чо было?!

Быличка девятая.

С одним водителем произошел случай. Ехал он по степи, а там поблизости ни одного села. Темнеться стало. Видит, стоит на пути старуха-оборванка. Странное дело, думает, одна по ночи в чистом поле, не простая, видать, старушка. Ну, делать нечего, хоть и страшновато, а машину остановил, вышел к ней, поздоровался. Она стала ему говорить: «Ты как назавтра обратно соберешься по этой дороге...» Он перебил ее: «Я ведь, бабушка, человек подневольный, куда пошлют, туда и поеду. Откуда ж мне знать, куда я завтра поеду?» А она в ответ: «Я знаю! Завтра, как поедешь по этой дороге, прихвати с собой узелок старенькой одежки, а то я совсем обносилась». Паренек, приехав домой, рассказал жене о странной старушке. Та собрала кое-что из имеющегося добра. Пожалела она старого человека, положила в узел доброе платье и еще чего-то. Назавтра действительно его отправили прежней дорогой. На том же месте его снова поджидала старушка. Он протянул ей узел. А та, как только заглянула внутрь, тут же запричитала: «Что же ты, сынок, наделал! Я же просила старое одеяние, а ты все новое взял. Теперь будет все наоборот: старые будут долго жить, а молодые будут рано помирать». С этими словами старушка исчезла, будто бы ее и не было. Такая вот история случилась с одним пареньком.

СВЯТКИ. ПОСЛЕДНИЕ РЯЖЕННЫЕ СЕЛА НОВО-ТИМОФЕЕВКИ

Святки – наверное, самый загадочный праздничный период в году. Тут и колядование с христославением, тут и ряженье с посеванием, тут и гадание, и «страшные вечера»... И все это – между двумя православными праздниками, от Рождества Христова до Крещения. И мешается в этих обрядах языческое и христианское. Интересное объяснение этому нахожу в научном издании книги Галины Владиславовны Любимовой «Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири»: «Святочное ряжение несет в себе идею обновления через рождество и крещение: все Святки ряженные изображали ветхого человека, а в день Богоявления смывали грехи и возрождались к новой жизни».

В нашем селе ряженье, или колядование, происходило на старый Новый год. Я помню хорошо, какое это было веселье. Вечером к нам в дом без всякого

разрешения входили люди в вывернутых наизнанку шубах, с разукрашенными лицами, с навешенными бородами или с чулком на лице. Прямо с порога они пригоршнями рассыпали зерно по дому: «Сею, вею, посеваю. С Новым годом поздравляю! Хозяину с хозяйшкой счастья желаю!» И с три короба добрых пожеланий высказывали нам. Они плясали, шумели, гомон от них стоял по всему дому. Кто-то порывался разбросать зерно не только в передней комнате, но и в зале. По голосу мы узнавали своих односельчан. Мама, прихлопывая в ладоши показывала отцу на того, кто изображал горбатого старика с пышной бородой во все лицо, из-за которой было видно только одни глаза. На нем добрая шуба, вывернутая овчиной наружу. Это же «Иванов» или «Столяров» – опознавала мама в вечернем госте знакомого. Распахивала холодильник, доставала соленья, другую еду, спиртное и угощали гостей, организовывали застолье. Еще, по обычаю, нужно было что-нибудь дать с собой, будь то кусок мяса, рыбу или что-нибудь попроще. Как правило, ряжеными были друзья нашей семьи или хорошие знакомые. Когда они уходили, мама выметала полы от зерна, которого в избытке было накинано по всей кухне.

В начале девяностых у нас в селе произошел следующий курьезный случай. В то время участковым в нашем селе был Санин, насколько мне известно, он родом из Палатцев. Проезжая по центру села, он заметил, как две высокорослых «бабки» метелили друг друга руками и ногами. Милиционер задержал «хулиганок». Переодетыми в бабушек, оказались два нетрезвых парня, один из них – Байгонов. «Накалядовавшись», они не смогли мирно поделить добро.

После развала Советского Союза наступили страшные времена. Люди, всю жизнь трудившиеся в поте лица и собиравшие по копейке деньги на сберегательные книжки, вдруг стали нищими, потому что все их накопления «сгорели». Деньги в совхозе перестали платить. Люди стали уезжать из села. Дом можно было поменять на мешок муки. Или просто бросить. Уехал мой любимый дядька – Петр Иванович Постоногов. Уехали и мои родители. Наш небольшой дом с хорошим садом, гаражом, пристройками и баней мои родители в 1998 году «продали» за 100 долларов в рассрочку – через год отдали два килограмма копченой рыбы, а остальные деньги отдали через три или четыре года.

В эти печальные годы поводов для праздников становилось все меньше и меньше. Собирались, в основном, на похоронах и на проводах тех, кто в поисках лучшей доли уезжал в дальние края. В эту пору советские праздники уже не праздновали, как раньше, с митингами и транспарантами, но их продолжали отмечать. Вместе с советскими праздниками угасал и праздник святочного ряженья. В один из последних старых Новых годов перед уездом в Алтайский край мои родители отмечали этот праздник у своих друзей Столяровых. Посиделки были не очень веселые, потому что привычный быт села разваливался на глазах, и никто не мог ничего сделать. Веселье в эту пору напоминало известный «пир во время чумы». И все же, решив тряхнуть стариной, две пожилых пары решили пройтись по селу, как в старые добрые времена, ряжеными. Вывернули наизнанку шубы овчиной кверху, надели мало-мальские маски, насыпали в карманы пригоршни зерна и пошли по вечернему селу. Было часов одиннадцать. Редкие фонари горели на улицах. На углу, ближе к центру села, увидели свет у Темиргалиевых. Постучались. Им открыла хозяйка, невысокая, спокойная женщина, опешила от такого, давно забытого маскарада. Дядька Катул обрадовался неожиданным гостям:

– Вот это хорошо! А то я сижу, загрустил совсем. Открыл бутылку, а Катя меня не поддерживает, выпил стопочку и все. Вот она стоит, сирота, в холодильнике, гостей дожидается.

Достал дядька Катул початую поллитровочку из холодильника, тетя Катя быстро накрыла на стол. Они уже на пенсии, и им тоже одиноко одним в доме. Посидели, выпили, а радости ни капельки. На душе кошки скребут. Ведь это они строили наше село, возводили дома, вели линии электропередач... На их глазах вырос богатый совхоз. У дядьки Катула на глаза навернулись слезы от обиды на невидимого разорителя села. Загибает он пальцы, перечисляет мужиков-самородков сельских, пальцев на руках не хватает, чтобы всех пересчитать. Считает тех, кто сам конструировал грузовики для хозяйства: Сошнев, Сопкин, Шульгин... Перечисляет разных дел мастеров целыми семействами: Шульгины, Бутины, Балахоновы, Столяровы... Сварщики, токари, трактористы, доярки... Ергимбаевы, Икомбаевы, Курмангалиевы, Калиевы, Дурневы, Лопаткины... Всех не перечить. Вспомнили то, что осталось от совхоза. Раньше было только шесть табунов крупного рогатого скота, табун быков-производителей, колбасный цех, а теперь осталось несчастных сорок коровенок, и тех вот-вот под нож пустят. Думать и то страшно, не то, что видеть это разорение. Допили бутылку, вытерли слезы, и дальше пошли наши ряженные.

В центре села, в большущем доме, где раньше был сельсовет, брат Михаила Ивановича Столярова жил, свет у него горит. Зашли на огонек, побросали зернца для порядка. Бориса Ивановича, бывшего председателя сельского совета дома не оказалось. Жена открыла холодильник, вытащила оттуда мороженую щуку, положила ряженным в сумку. Что ж без хозяина сидеть, пошли дальше. Было уже три часа ночи. В конце улицы увидели – горит огонек у Бекежана Доскалиева, местного участкового. Постучались к нему, а там гулянка. Приняли хорошо, обрадовались гостям, усадили за стол, угощение поближе подвинули. Гости водку пьют, мясом заедают, все же у молодых веселее. Но и это веселье было не то, что раньше.

Часов в пять утра, проходя мимо Панкеевых, решили по старой памяти заглянуть и к ним. Когда-то гармонь дяди Коли Панкеева все село веселила, да только уж давно нет в живых того развеселого гармониста. Его место занял прапорщик в отставке Кирнасов, правда, ненадолго. Забыл он в разъездах по гарнизонам родной деревенский быт с его простотой и непосредственностью, с неожиданными гостями, с пожеланием здоровья каждому встречному человеку... Когда постучали в ворота, сквозь форточку из глубины комнаты послышался кашель, а потом показалась физиономия прапорщика:

– Кто там кричит? Отойдите! А то шас как бабахну!

А раньше в этом доме принимали в любое время дня и ночи. Дядя Коля заводил свою гармонь. Теперь – ни дяди Коли, ни гармони, только «бабахну» в окно.

Можно, конечно, и прапорщика понять, как-никак пять утра было. Только у нас не принято было в селе «бабахать» из окна, потому что чужие по селу не ходят. А ряженных, хочешь, не хочешь, а принимать надо: раз в год они приходят с пожеланиями благоденствия в доме.

Подпортил праздник залетный мужичонка. Да и был ли, этот праздник? Ведь на душе-то так и осталась печаль. Время было такое. Так мне рассказывала мама, что ходила в ту ночь, будучи одной из тех последних ряженных моего села.

«ШЛА МАТУШКА ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА...»

Я всегда с чувством благодарности вспоминаю свою любимую бабушку, Постоногову Степаниду Антоновну. Улыбчивая, добродушная, неунывающая, молитвенно-чистая своими помыслами, светлая, солнечная, драгоценная моя бабушка. Какое замечательное, бесконечно доброе сердце было у нее! Откуда она только брала терпение на всех нас, своих внуков, которых было у нее два десятка. Ни один из нас не чувствовал себя обделенным вниманием бабушки. Я не могу вспомнить, чтобы у нее было плохое настроение или чтобы она хоть раз на меня повысила голос. А ведь жизнь ей выпала совсем не простая. Досталось ей страшное время революции, Гражданской и Отечественной войн, когда выжить было сложно, а зачастую и просто невозможно. При этом она сохранила терпимость и уравновешенность, она не озлобилась, не стала раздражительной и нервной, хотя для этого было, наверное, немало причин. Не знающая грамоты, она знала множество молитв и притчей, которые нам рассказывала. В ее простом и немудреном сердце жила искренняя, настоящая горячая вера.

Я был совсем крохой, когда в первый раз увидел невысокую, седую, улыбчивую женщину и узнал, что это мамина мама, моя бабушка. Это было, когда мы жили на краю села. За семейным застольем меня, ласкового мальчишку, мама попросила расцеловать «в щечки» родню. Я переходил с одних коленок на другие и всех целовал, начиная со своей мамы. И вот, дойдя до бабушки, я остановился в нерешительности ее поцеловать, смущенный тем, что она «очень старенькая и у нее много морщинок». Баба Стеша, увидев мое замешательство, просит маму, чтобы она «не мучила мальчишечку». Но мать нажимает на меня, и я тут же исправляюсь и целую бабушку в «дрябленькие» щечки. Эта моя неловкость почему-то запомнилась мне, и если бы вернуть ту минуту, я бы с нежностью и благодарностью расцеловал изработанные теплые бабушкины руки.

Сколько помню, дедушка и бабушка жили в Мариногорке, которую основали белорусы, году в 1909-1910. Частенько родственники рассказывали про Павловичей. У них в семье было тоже, как и у Постоноговых, 10 детей. Разница только в соотношении парней и девушек: у Постоноговых 7 дочек и 3 сына, а у Павловичей – 9 сыновей и 1 дочка. Эти Павловичи, по словам моей мамы, «были хорошими плясунами, со сцены не сходили. Играли на всем, на чем можно играть. Веселые были ребята». И вообще, Мариногорка до самого развала Союза была цветущим, богатым селом.

Класса с пятого-шестого я уже самостоятельно ездил в Мариногорку на автобусах, с пересадкою в Самарке. Два раза в год, на летних и зимних каникулах. В отличие от Ново-Тимофеевки, стоящей на ровном побережье Бухтармы, с хорошим освещением по всем улицам, которое делал мой отец, Мариногорка была слабо освещена, и можно было запросто сломать ночью ногу, стоило только шагнуть в сторону от центральной улицы. Здесь не хватало нашего моря, а после дождей жутко расквашивало глинистую почву, что в пору было ходить в резиновых сапогах. Мариногорка вся состояла из каких-то неровностей: небольших холмов, бугристых дорог, склонов, по которым после дождей стекали бурные ручьи. Сверху через село бежала небольшая быстрая речка, вокруг которой разросся целый лес огромных тополей и кленов. Чтобы добраться от автобусной остановки до дедушкиного дома, нужно было пройти полсела. Сначала повернуть направ

на соседней улице, а там, у края тополиной рощи, налево. На этой просторной улице по левую сторону стоял небольшой саманный дом с двускатной крышей, крытой шифером. На улицу выходило единственное небольшое окошко из кладовой, расположенной в конце дома. Там же, внутрь двора, перпендикулярно дому, шли пристройки – небольшая летняя кухня, крохотная банька, навесы, под одним из которых располагался столярный стол деда. Были еще сараи и дровник, за которыми находился огород. В этом огороде стояло девять ульев. Слева от калитки и ворот располагался палисадник с виноградником, небольшими плодовыми деревьями и овощными грядками, которые тянулись до огорода. Два окна дома смотрели на этот палисадник, а остальные внутрь большого двора, в центре которого был вырыт колодец, у которого торчал высоченный деревянный журавль, погреб и старые клены. Этот колодец, как мне в детстве казалось, был страшно глубоким. Когда я в него заглядывал, мне становилось жутко, и я тут же опускался на корточки, крепко держась руками за края. Из глубины веяло прохладой даже в июле. Колодезная вода была ледяной и солоноватой на вкус, чем сильно отличалась от воды нашего песчаного побережья.

Это был небольшой, но удивительно уютный дом. Здесь в 1959 году родилась моя младшая тетушка Наталья, десятая по счету из двенадцати родившихся и десяти выживших (двое умерли младенцами) в семье Постоноговых детей. В деревенских семьях такое дитя называют последышем или поскребышком. Бабе Стеше в то время было уже сорок восемь лет, а деду Ивану – пятьдесят три. В этом доме прошло детство четырех младших детей, здесь они окончили школу и отсюда пошли в большую самостоятельную жизнь. Дядя Петя (1950 года рождения) и дядя Вася (1952 года) росли крепкими, спортивными ребятами. Редкие спортивные соревнования проходили без них.

Дядя Вася был чуть ниже своих братьев, занимался гимнастикой, свободно крутил сальто на турнике. Из школы домой он ходил на руках. Кто-нибудь нес его портфель, а он шел не одну сотню метров вверх ногами. Баба Стеша, увидев идущие над забором ноги, говорила: «Вот и Василий идет со школы домой». Оба дядьки были крепкими бойцами и в драках не уступали никому. Дядя Петя служил в Венгрии, а дядя Вася – в Германии. Когда Василий Иванович пришел из армии, он одно время жил не то в Новой Бухтарме, не то в Октябрьском. Там он работал на стройке вместе с чеченцами. Однажды у них произошла ссора, которая переросла в драку. Моего подвижного верткого дядьку нелегко было поймать на кулак, хотя он нигде боевым искусствам не обучался, а был бойцом от природы. Один против шестерых. Наутро все пришли с синяками под глазами. Старый чеченец, который в драке не участвовал и наблюдал за ними со стороны, благородно поднял вверх руку Василию Ивановичу, сказав, что это победитель. И пожурил своих земляков: «Если бы таких, как он было шесть, то я бы вам не позавидовал!»

Здесь, в Мариногорке прошли одни из самых лучших дней моей жизни. Я даже сейчас помню расположение комнат в бабушкином и дедушкином доме. За утепленной дверью, обитой брезентом, находились сени. В этих сенцах, слева, был небольшой амбар, отгороженный досками. Из амбара, прибитая к стене, шла лестница к дверце на чердак. Прямо от входа в этих сенях стоял красный сундук, на котором в жару сидела бабушка и вязала разноцветные половики. Вправо от сундука находилась дверь в комнаты. В первой, которая служила спальней и кух-

ней в зимнюю пору, у самого входа – вешалка для верхней одежды. Справа, возле окна, стол. Напротив стола, у стены, двуспальная кровать дедушки и бабушки. За изголовьем ее, неподалеку – печь, колodцы которой служили простенком между первой и второй комнатой. Справа от двери в этой же комнате висели часы с кукушкой, на которых снизу на цепочках были подвешены две гири. За двустворчатыми деревянными дверцами в другую спальню слева у печи была одна кровать, чуть дальше – другая с двумя грудями подушек, покрытых кружевными накидками. На комодe стоял телевизор, в правом углу размещалась этажерка с книжками. В нижнем отделении этажерки, кроме всего прочего, находилась Библия на церковнославянском языке. Частенько я заглядывал в ту книгу, любуясь детским оком на строки с древними узорчатыми буквами. Словно слепой, я трогал пальцами пожелтелые страницы, сердцем ощущая глубокую тайну, кроющуюся между грубых корок этой книги. На стенах висели фотографии родных, втиснутые в деревянные рамки. По всему дому были расстелены домотканые половики, связанные руками моей бабушки.

Почему-то мне казалось, что дедушка и бабушка меня любят больше всех внуков. Но так мог сказать любой из нас, двадцати родных внуков. Я рос скромным и послушным мальчишкой. Самое многое, что я мог себе позволить, это без спроса забраться на чердак.

По утрам дед с бабушкой вставали очень рано, убирались по хозяйству, шли в огород. Я просыпался после восьми часов, когда баба Стеша начинала готовить. Мне и поныне вспоминается удивительный вкус простой незамысловатой деревенской пищи. Когда бабушка жарила картошку, она несколько кусочков хлеба укладывала под крышку, и тогда эти куски становились мягкими, и впитывали в себя запах масла и картошки, будучи необыкновенно вкусными. Во всем баба Стеша применяла жизненный опыт и могла из самого простого продукта приготовить наивкуснейшее блюдо.

Бабушка совершенно не умела ругаться. Смешно было наблюдать, как баба Стеша «отчитывала» нашкодившую кошку или курицу, забравшуюся на грядки: «Ах ты, гад такая!» В семье моего деда не допускались ругательства, тем более матерные – упаси Господи от таких слов! Сам дед Иван применял вместо ругательства странные и непонятные обороты речи – «якорела-нас» и «летналь-боль».

Дядя Боря вспоминал про своих родителей: «Откуда они все травы знали? Отец идет по лугам и говорит: «Эта трава от змей, чтобы не кусали, эта – чтоб родить женщине, забеременеть легче, а эта – чтоб, наоборот, детей не было... Мама тоже знала все травы. Лечила ими. У одной казашки была дочка, пяти лет отроду, она не вставала на ноги. Мама принялась ее лечить. Полгода лечила, и та поднялась. Так мать той девчонки была рада-прерада».

Еще бабушка лечила заговорами. Нам, своим внукам, ставила «защиту», чтобы мы защищены были от постороннего воздействия. Меня баба Стеша несколько раз лечила от «спуга». Выливала воском испуг. Для этого бралась вода из протоки, а не из стоячего источника: «Молча берешь, молча уходишь, не откликаешься». Воск разогревался на «живом огне», на печи, в железной баночке. По дому распространялся этот запоминающийся «церковный» запах. Я сидел на табурете лицом к печке, а бабушка шепотом читала молитвы над моей головой. Сначала «Отче наш», следом «Богородице Дева радуйся», а затем уже шел сам заговор, который заканчивался такими словами: «Страхи, переполохи, испуги

выливаю не я, а Матушка Пресвятая Богородица». Я прислушивался, стараясь что-нибудь понять. Помню только отрывок: «...раба божьего Сергия...» Воск при этом переливался в кружку с водой. По форме воска, образовавшейся в кружке, бабушка видела степень испуга. Если он застывал ровно «плиточкой», то испуга у человека нет. Самое худшее, если в воске образуется «ямка» – тому, кому предстоит вскоре умереть. Если воск корявый, то человек испуган. Сильно корявый – сильно напуган. По форме этого воска можно даже было увидеть, кем напуган был больной. Меня пугал гусь, пугала собака.

Вот еще слова одного лечебного заговора, который мама передала мне как «молитву». Им лечила баба Степанида, а ей достался этот заговор «от старой бабушки из Мариногорки»:

«Матушка Пресвятая Богородица, помощница, помоги мне, пособи мне в первом деле, в первом часе. Идет к тебе Иисус Христос навстречу.

Куда, мой божий сын, идешь?

– Я иду к рабу божьему Сергию кости выправлять, жилы вытягивать, буйну кровь исцелять, боль с ломотой уничтожать, крепкий сон и аппетит восстанавливать. Отныне до века. Аминь».

Данный заговор читается три дня по три раза или девять дней по одному разу.

Бабушка никогда не оставляла незакрытой посуды с водой или с молоком. Об этом так рассказывала: «Черт бегает, весь грязный, поганый... А у него спрашивают: «Куда бежишь?» На что он отвечает: «Ищу, где ведро открытое с водой или молоком, искупаться хочу!»

Много притч знала баба Степанида. По своей сути притча есть не что иное как духовное врачевание, настрой души на доброе и потому правильное существование. Открытой детской душой я слушал свою бабушку:

– Было у одной бабушки два сына. Старший жил богато, у него двое детей было. А у младшего – куча ребятишек. Бедняк был младший сын, с хлеба на воду его семья перебивалась. Мать уж немощная стала, не в силах она за своим домом присмотреть. Пора бы ей к одному месту прибиться, а к которому из сыновей перейти сама не знает. Приехал к ней старший сын и говорит: «Продавай, мать, все, мы тебя к себе заберем». Вскоре продала она дом, а деньги спрятала в чулок. Приехала к старшему, говорит: «Я дом продала, только меня по дороге обворовали». А тот в ответ: «А кому ты без денег нужна». Пожила она немного у старшего да подалась к младшему сыну. Ему тоже она говорит: «Продала я дом, только деньги у меня по дороге стянули». А младший сын успокоил ее: «Да что уж тут поделаешь раз такое дело. Поди, не пропадем, живите у нас». И зажили они хорошо, хоть и в бедности. Вскоре услышали, что сосед дом продает. Дом ухоженный, ладный. А сын проговорился: «Вот бы нам на нашу ораву такой домик, вот бы счастье было!» А мать в ответ: «Так пойдем, посмотрим». А сын: «А что же на него смотреть, коли денег нет!» Мать уговаривает: «А пойдем все же, глянем». Пошли, поглядели, шибко им этот дом понравился. Тогда достает мать деньги из чулка и дает сыну: «На, сынок, деньги, покупай дом». Купил сын тот дом, и зажили они в нем дружно и счастливо.

Знала баба Стеша и духовные стихи. Смысл одного из них я хорошо запомнил. В нем рассказывается о том, как в одном селении узнали весть о том, что их посетит Господь и стали к этому готовиться. Одна женщина стала прибираться в доме,

когда к ней пришла нищая старушка. Хозяйка ответила, что ей сейчас не до нищенки, что ждет она дорогого гостя. Вслед за старушкой постучался оборванный старик. И ему не уделила времени хозяйка, выпроводив его за порог в ожидании дорогого гостя. В третий раз постучался нищий мальчик. И его не приняла хозяйка, ответив ему: «А тебя любой примет, иди!» Так и не дождалась она дорогого гостя. А ночью ей приснился сон – Господь ей говорит: «Я трижды тебя посещал, и ты трижды меня отвергла». В простых и незамысловатых притчах и легендах наш простодушный народ вложил любовное и уважительное отношение к простому или обделенному земными благами человеку, а всякий отвергающий его, не удостоивался внимания, отвергался Богом. И богатство никогда не ставилось у нас во главу угла. Поэтому христианство нашло благодатную почву в русском народе. «Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное». Или ответ фарисеям на вопрос: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Христос ответил: «Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные».

Легенда о колосе, пересказанная мне матерью, досталась ей от бабы Стеши. Она несколько отличается от аналогичной легенды из сборника А. Н. Афанасьева. Я перескажу свой вариант: «Раньше колос был другой, не как сейчас. Зерна на нем росли от низа и до самого верха. А когда начался потоп, собаки начали плакать и молить Бога оставить хоть что-нибудь. И Господь услышал их плач, и сказал, что они ни в чем не виноваты, и оставил для них верх колоса. Так что едим мы хлеб, благодаря собакам. Не свой, а собачий хлебушек едим».

От бабы Стеши мне осталась такая «молитва». По сути – это заговор, с присущими ему «сюжетностью», движением, установкой. Не обращение к Богу и сонму святых и ангелов, не молитвенное славословие и величание, а требование и некая уверенность в спасении, с фольклорным перечислением, заговариванием, эпитетами: «...от воды топучей, от твари ползучей, от ножа булатного». Лишь в концовке идет непосредственное обращение к Богородице. В этой «молитве» четко просматривается христианское наложение на древнюю языческую основу. Тем не менее, меня всегда подкупала «мягкость» этой «молитвы». В ней происходило «оживление» главного «персонажа», которому придавались обычные человеческие черты – «приустала», «приуснула».

«Шла Матушка Пресвятая Богородица. Шла – приустала, легла – приуснула. Увидела сон, что сын ее распят на трех древах. Кто этот сон вспомнит, тот спасется от воды топучей, от твари ползучей, от ножа булатного. Матушка Пресвятая Богородица, закрой своей нетленной ризой. Аминь».

«ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ!»

Жарко в дедовом доме зимой. Хорошо протоплена печь, чтобы до утра хватило тепла. Мороз на улице ядреный, кусачий, нет нужды без надобности нос на улицу высовывать. Окна затянуло белым узорчатым бархатом. В незамерзший глазок смотреть все равно, что в полынью – чернота одна. Если только долго вглядываться, то можно увидеть яркую, вмороженную в небо звезду.

Вечера зимой долгие, протяжные, как печальная песня. Монотонно поет веретено в руках у бабы Стеши. Гудит огонь в прожорливой печной утробе. Мы с дедом сидим под самым светом, делом занимаемся. Обучает меня дед сети плести.

Очень мне хочется иметь «экран», маленькую сеть из лески, которая натягивается между железным прутом и деревянным. В руках у деда гладкая деревянная пластинка, похожая на школьную линейку, сделана по размеру нужной нам ячеи. Красивые, загорелые дедовы руки с крупными жилами с привычной легкостью набрасывают на пластинку петли, затягивают тонкую, чуть толще паутины, лесу. Длинные, проворные пальцы пластично двигаются в определенном ритме и по известной им амплитуде, словно они играют на невидимом инструменте. И музыка слышна: «хруп» – когда петля впритык к предыдущей петле стянута на пластинке, и тонкое, чуть уловимое, «дзинь», когда натягивается леса правой рукой и затягивается узелок. Хруп-дзинь, хруп-дзинь, хруп-дзинь... Есть в этом что-то завораживающее. Вот уже ряд пройден. Дед снимает с деревянной пластинки петли, нанизывает первую ячею и дает мне в руки. То, что в руках у деда пело и прирастало, в моих неуклюжих пальцах заглохло и медленным черепашим шагом продвигается едва-едва. Казавшееся со стороны легким и простым занятием, на самом деле оказалось сложным и скучным, требующим от вязальщика усидчивости и терпения. Дед Иван показывает мне еще один способ вязания – другой узел, через мизинец. И снова слышна музыка от его проворных пальцев, красивых рук. Завораживающее действие. Вот и второй ряд закончен, начат третий. Дед рассказывает, руки сами плетут, я слушаю и чуть не засыпаю, глядя на монотонную работу рук. Мне хорошо от печного тепла, разлитого по дому, от дедовых баек над моей головой, от бабушкиной открытой улыбки, от всех этих знакомых и нужных вещей в родном доме, будь то пажик (булавка), веретешко (веретено), сделанное руками деда, или разноцветный половик, связанный руками бабы Стеши. Счастливое детство!

Мудрый мой дед, на все мои вопросы ответ знает. Разговаривает со мной, как со взрослым. Нет суеты в дедовом доме, умиротворение разлито в самом его воздухе. Тихо плывет сквозь вечность этот незабываемый вечер. Разомлев у теплой печки, сижу себе, веселый, любимый внук и даже не осознаю своего счастья. Непомерную доброту источают родные мои бабушка и дедушка, как благоухающий ладан. Намоленое, обжитое пространство пронизано Божьим светом.. Не в этот ли замечательный вечер дед заронил в меня зерно веры, рассказав на свой лад легенду о жареном петухе? А звучит она вот как:

– Заспорили на Пасху два мужика – один верующий, а другой неверующий. Сидели они за столом, а на столе у них был жареный петух. А спор у них шел о вере, о Христе, и о воскресении из мертвых. Тогда неверующий воскликнул, что поверит в Бога тогда, когда этот жареный петух закукарекает. В тот же момент жареный петух ожил, закукарекал, и закричал: «Христос воскрес! Христос воскрес!»

Увидев, как из-под кровати появился старый коричнево-черный сверчок, дед отложил вязанье сети в сторону, пошел к ведерку с колодезной водой и зачерпнул ковшом. Попил сам, а оставшиеся капли полил на пол перед сверчком. Тот, шевеля усами, выпил одну каплю, придвинулся к следующей, пьет ее. Дед с участием смотрит на сверчка, говорит:

– Смотри, как припал к воде. Ведь до чего угорел! Всю лужу выпьет, не останется.

Утолив жажду, сверчок исчезает в тени под кроватью. Ночью он исполнит своему внимательному хозяину лучшую музыку из своего репертуара, нагоняя хорошие сны.

Постоноговы с детства были приучены к работе и совершенно не умели бездельничать. Работая, разговаривали, рассказывали байки и разные истории. Дед Иван мастерски умел рассказывать – заслушаешься. Любил пошутить, весело поозоровать. Игральные карты не признавал, но однажды все-таки решился поиграть «в дурака» с бабушкой. Как рассказали родственники, после того, как он остался в «дураках» четырнадцатый раз подряд, дед без лишних слов пошел на улицу, положил карты на чурбачок, и мелко изрубил их «в лапшу», чтобы ими даже не пахло в доме.

Когда наступало долгожданное лето, я с радостью ехал в Мариногорку к деду с бабушкой. Больше всего мне нравилось ходить с дедом Иваном смотреть пчелиные ульи. В сарае мы надевали на себя халаты, пасечные шляпы с сеткой. Дед разводил для окуливания пчел дымарь, и мы шли смотреть мед. Дед Иван перчаток не надевал, руки были привычными к пчелиным укусам. Он снимал крышку улика, звенящие пчелы поднимались в воздух, а я в этот момент должен был их смирять дымом. Пыхтел дымарь в моих руках, пчелы гроздьями облепляли сетку перед моими глазами, но достать меня не могли, хотя им очень хотелось меня ужалить. Чтобы отогнать эту гудящую свору, я повернул дымарь к лицу и, зажмурив глаза, пустил дымное облако в сетку. Пчелы слетели с моей шляпы, а я, закашлявшись, стал ловить ртом волну свежего воздуха. Дед улыбается, ставит крышку на место, говорит, что через несколько деньков можно будет качать мед. Срывает хворостинку у забора в траве и подходит к другому улью. Садится возле него и наблюдает за полетом пчел. Из отверстия в улье выбирается очередная пчела. Дед неторопливым движением сбивает ее прутом, давит сапогом:

– Это не наша пчела!

– Деда, а как ты узнал, что это не наша пчела? Они же все одинаковые! – помогаю я у деда.

– Смотри внимательнее на разрез крыльев, да и оттенок другой, – он сбивает прутом очередную залетную пчелу. – Это соседи завели пару роев кавказских пчел, вот они теперь таскают мед из наших ульев.

Да, не простое дело – иметь пасеку. Столько всего нужно знать!

И вот прошло несколько дней. Мы с дедом вытащили тяжелые душистые рамки с медом. Приспособили их в медогонку и по очереди крутим ручку, заставляя вращаться бачок вокруг своей оси. А через пару часов на стол выставлена чашка с теплым медом и тарелка с золотыми сотами. Чай с травами и свежий мед. Дед Иван с бабой Стешей и я... Летний вечер. Детство. Счастье.

Летом в деревне много работы. Я хожу за дедом по пятам, помогаю ему. Интересно смотреть, как вылетает из-под рубанка белая стружка, пахнет деревом. Интересно потрогать инструменты в сарае, разложенные по своим полочкам. Можно даже попробовать самому построгать. В ограде стоит рассохшаяся старая телега, в передней доске ровная дырка. Для чего? Веревки вить! Я однажды помогал деду Ивану в этом деле. В дырку вставили небольшую, слегка загнутую округлую палку, привязали к ней края тонких веревок и стали крутить. Несколько хороших канатов, мощных веревок, свили за какой-то час времени. Одну дед дал мне, чтобы я увез домой. Добро послужила крепкая самодельная веревка.

Все, что делалось руками деда Ивана, сносу не имело, было до того добротным, что впору было ставить особый знак качества «Сделано Постоноговым». Ведро, сделанное дедом в победном сорок пятом году из крыла немецкого самолета, до

сих пор живо и не протекает. В сарае у деда хранились широкие охотничьи лыжи, сделанные его руками, подбитые снизу шкурой марала. Было чему поучиться мне у своего замечательного деда. Цельность крепкого мужского характера проявлялась у него во всем – был ли он солдатом или обычным деревенским плотником. Скромный, не выпячивающий наружу своих знаний и умений, он ходил в простеньком сером рабочем костюмчике и делал мужскую работу. И столько за день перелопачивал, дай Бог каждому!

Вспоминается один безветренный солнечный вечер. День потухал, жара ослабевала, в воздухе разлились благодать и умиротворение. Мы с дедом сидели на лавочке возле дома. Редкий раз позволял себе Иван Моисеевич так вот сидеть, без работы. Сидели вдвоем, я и мой замечательный дед! Он шутит со мной, веселит, расспрашивает, разговаривает со мной, как с равным. Мимо проходят люди, тепло с нами здороваются, уважают Ивана Моисеевича, и мне радостно за то, что у меня такой дед. Я смотрю на него снизу вверх, уважаю. Машина, проехав по пушистой от пыли бугристой дороге, взбивает пылюку, развесив ее посреди улицы.

Вдруг возле моей ноги пролетела крупная осторожная оса. Села возле тонкого отверстия в глинистой земле. Она принесла с собой добычу – пчелу, видимо, с наших ульев утащила. Дед дождался, когда она заберется в свою норку, принес воды и залил ее. Когда выбралась оса наружу, раздавил ее подошвой, чтобы не таскала пчел. А дырку законопатил глиной.

Похожим способом мы с дедом «выливали» тарантула в огороде. Норка у этого ядовитого паука глубокая, а дырка такая, что с легкостью можно впихнуть в нее большой палец, фасоль или семя боба. Палец, конечно же, жалко для такого случая. Признаюсь честно, при одном только виде этого страшного паука у меня начинается мандраж. Но дед ничего не боится. Он заливает полное ведро воды в отверстие, приносит второе, а я с лопатой сторожу мизгирия. Заливает дед еще полведра, и вот показывается крупный пушистый тарантул. Мечусь в него лопатой, но дрожащие руки не дают попасть в цель, делаю еще одну попытку и, наконец, перерубаю его штыковой лопатой на две части. С чувством выполненного долга мы с дедом уходим из огорода.

К слову, о пауках. Расскажу еще один случай, который произошел в соседнем селе Белом. Тракторист, заночевавший в поле, проснулся утром от укуса и заметил, что спит на тарантулиной норе. Вскоре от ядовитого укуса у него высохла рука, и он стал инвалидом.

Когда в доме никого не было, я выходил в сени, перелезал в амбар и по лестнице забирался на чердак. Я исследовал каждый его уголок. Свет, исходящий из единственного окошка, приглушенно освещал предметы. Покрытые столетней пылью, лежали там ненужные в обиходе вещи. Пара старых кармаков с толстой, грубой леской лежали в левом углу. Несколько бумажных коробушек, деревянных ящичков и всякой мелочи. Лишь одна вещь была достойна моего внимания, из-за нее я и проделывал эти неоднократные вылазки на чердак. За стропилом, на высоте моего роста была воткнута книга, завернутая в пожелтевшую от времени газету. Сверху она была крест-накрест перевязана дратвой. Усевшись поудобней на деревянный ящичек, я освобождал книгу от дратвы и газетной обертки и раскладывал ее у себя на коленях. Это была книга большого формата, с внушительными, толстыми корками, немного поточенными жучком. Узорчатые буквы на желтых страницах завораживали мой взор. Иные слова прочитывались на русском языке.

другие были мне непонятны. Но даже тех слов, что я разобрал в тексте, достаточно было для того, чтобы понять – книга эта церковная. Это был совершенно другой мир, о котором никто нигде не говорил. Я был прилежным пионером, а потом хорошим комсомольцем. Но то, что я находил у деда, повергало меня в трепет, навевало какой-то тайной. Чтобы не выдавать себя, я про книгу у деда не спрашивал. А дед Иван не навязывал нам своих религиозных взглядов. Иногда в его речах проскальзывали слова: «Антихрист», «геенна огненная»... Прошли годы прежде чем состоялся серьезный разговор на эту тему. Я уже уходил в армию и приехал всего на день, чтобы попрощаться с бабушкой и дедушкой. И еще была целая ночь перед выездом. Та самая ночь мне хорошо запомнилась. Дед взял с этажерки знакомый мне фолиант и раскрыл передо мной книгу. «Евангелие от Матфея», притчи – о сеятеле, о пшенице и плевелах, о горчичном зерне... Дед так увлекся чтением, что мы не заметили, как уже перевалило за полночь. Иван Моисеевич преобразился, он давно ждал этого. Похожий на древнего пророка, мой драгоценный, мудрый дед зачитывал из Библии:

– Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну... Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы...

Столько всего интересного и нового, но местами непонятного мне открылось в тот вечер! Во втором часу мы отправились спать. А утром я уехал, и через неделю уже служил курсантом в зенитном учебном подразделении в Отаре. Туда вскоре пришло письмо от матери, в котором были вложены молитвы, написанные рукой деда: «Отче наш», «Символ Веры», «Да воскреснет Бог», «Живые в помощи Вышнего». И подписано ломким дедовым почерком: «Аннушка, этот листок передай Сергею, он просил. А у нас его адреса нет. Вот пока, до свидания». Этот «листок» я храню до сих пор в память о моем заботливом замечательном деде.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ. «АПОКАЛИПСИС ЕЗДРЫ». ПРОРОЧЕСТВО ДЕДА ИВАНА

Через два года я вернулся из армии. После родителей, мне больше всего хотелось увидеть деда с бабушкой. И я поехал в Мариногорку. Кроме деда, в Мариногорке жили и другие родственники: тетя Таня Брызгалова, тетя Тома с дядей Лешей Васильевы, и уже отдельно от родителей жил Николай Васильев с женой Татьяной, у которых к той поре родился сын Алексей. Помню, в тот год всю дедову ограду завалило снегом (а в Мариногорке всегда огромные снега). Я скидывал снег с бани и летней кухни. У деда Ивана, несмотря на его восемьдесят лет, были всегда прочищенные дорожки в ограде и на улице. Бабушка кормила меня всякими вкусностями. Мы снова были вместе, разговаривали по душам.

Той же зимой деда направили на лечение в нашу больницу в Ново-Тимофеевку. Когда была мамина смена, дед Иван приходил к нам домой. Он уже не расставался со своей «Библией» и везде носил ее с собой. Читал выборочно. Меня тронула история казни Иоанна Крестителя:

– Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она

попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей.

Дед оглядывает меня внимательно. Я, действительно, взволнован происшедшим. В Евангелии сюжет заканчивается этой страшной несправедливостью. Но мой мудрый дед знает продолжение, которое читал в «старых книгах». Апокрифическая концовка этого сюжета, скорее всего, была дописана на Руси, где-нибудь в холодном Поморье, а не в теплом Израиле. Чаение о справедливом возмездии логически претворено в этом апокрифическом «досказывании»:

– А потом так случилось, что дочка той самой Иродиады шла по льду, и лед расступился. Она провалилась, и лед сошелся и отсек ей голову. Эту голову принесли на блюде ее матери Иродиаде.

Я поражен кровавой драмой. Расплатой за голову Иоанна Крестителя кровавадной и мстительной Иродиаде, жене брата Ирода Филиппа, стала голова дочери. Русский апокриф библейского сюжета. Мой мудрый дед не перестает меня удивлять. Той зимой он сказал мне фразу, которая меня ошеломила потому, что касалась «великого и нерушимого Советского Союза»: «Недолго осталось Союзу существовать, вот-вот должен рухнуть...» А через четыре года Союз, действительно, «рухнул». Я удивленно спрашивал старика, говорившего не о прошлом, а о будущем: «Деда, а откуда ты знаешь о том, что будет?» Отвечал: «В книге все написано». И он пророчил. Самое интересное, что никто его «не слышал». Мало того – посмеивались над стариком самые близкие – дочери, зятя. Спокойное время заканчивалось. Горбачев, предав народ, пустил, как бронепоезд под откос, великую страну. А когда развалился Союз и стали сбываться пророчества Ивана Моисеевича, родственники вспомнили его слова. «Лихие девяностые» многих отрезвили. И мой отец, воспитанный в глухом атеизме, задумался и уверовал, как смог: «А все-таки, что-то есть над нами».

Той необыкновенной зимой, когда во мне стало прорасти зерно веры, брошенное моим замечательным дедом, мне предстояло еще много интересного узнать от него. Старик чувствовал, что силы его заканчиваются, времени у него остается совсем мало, а знания его остаются невостребованными. Единственным заинтересованным его слушателем, который пытался что-то понять в пророческой символике и внимательно его слушал, был я. Небольшие записи, сделанные мной «по свежим следам», помогли мне восстановить рассказы деда и название одной из глав исчезнувшего дедова фолианта. К сожалению, по собственному попустительству, я даже не записал названия той части, которую зачитывал мне дед Иван. Записано мною как «Сон пророка Ездры». Напрасно я искал эту главу в Библии. Книги Ездры из Ветхого Завета – совершенно другое произведение. И вот в «Книге об Антихристе» издательства «Амфора», Санкт-Петербург, 2007 год, упоминается та самая книга. Называется она «Царь, которого не ожидают» Апокалипсиса Ездры. Этот апокриф датируется 90-100 годами нашей эры, примерно тем же временем, когда было создано близкое ему по духу «Откровение Иоанна Богослова». «Апокалипсис Ездры», который находился у моего деда, скорее всего, представлял несколько переработанную на русской почве книгу.

Апокриф «Апокалипсис Ездры» и каноническое произведение «Откровение Иоанна Богослова» актуальны, как никогда, именно в наше время, потому что

только достижения нашего времени дают возможность реализовать давнюю антихристианскую мечту о едином правителе и все, что с ним связано. Процесс пояснения некоторых мест этих текстов мой дед Постоногов Иван Моисеевич дополнял подробной, «детальной» характеристикой «последних времен», некоторые пункты которой не вытекали из этих текстов, но были известны в среде православных христиан древнего благочестия. Итак, приведу фрагменты текстов.

В «Царе, которого не ожидают» Апокалипсиса Ездры: «И видел я сон, и вот поднялся с моря орел, у которого было двенадцать крыльев пернатых и три головы... Я сосчитал малые перья его; их было восемь». В данном тексте «орел» – Римская империя (знамена римских легионов украшало изображение орла), «перья» – правители (Юлий Цезарь, Цезарь Август и др.). В русском «Апокалипсисе Ездры» читаем: «Приснился сон об орле с тремя головами и семью перьями». Тут же, на листке записано пояснение Ивана Моисеевича: «Первое «перо» – Ленин, второе – Сталин и т.д.» Далее: «...как умирала голова средняя (в пояснении Ивана Моисеевича – Советская власть) на своей постели и с великими мучениями... как лев выбежал с рыком из лесу и сказал, чтоб сгорел орел, и он сгорел».

Когда мы с дедом читали «Откровение Иоанна Богослова», он пояснял непонятную мне символику. Так «...большой красный дракон с семью головами и десятью рогами» есть не что иное, как советская власть. Когда я спросил у деда, а почему дракон красный, он ответил, что это цвет крови и любимый цвет власти. А двух «зверей» разъяснил следующим образом. Текст первый: «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его – имена богохульные». Это та же символика появления советской власти и предшествующей ей первой мировой войны. Почему же «зверь вышел из моря»? Дед ответил: «Потому что в народе было страшное волнение, как на море». Дед не преминул достать спички и тут же выложил из них слово «ЛЕНИН». Ушло пятнадцать спичек. Затем переставил те же пятнадцать спичек, и получилось число зверя – 666. Хотя и несколько наивно выглядела эта «игра со спичками», но, тем не менее, суть угадана правильно. Подобные толкования, насколько я знаю, применяли староверы-странники. По поводу Ленина мой дед в том, 1987 году, сказал, что его имя будет переоценено, переосмыслено и низвергнуто. А вот имя Сталина произносилось дедом с огромным почитанием. Как и большинство фронтовиков, он отстаивал имя великого вождя народов. Сталин развернул маховик революции против самих революционеров, и тем спас народы от уничтожения. Он был, по словам много лет просидевшего в лагерях отца Дмитрия Дудко, «богодарованным вождем России». Патриархи Сергей и Алексей, а также святой Лука Войно-Ясенецкий, также сидевший при Сталине, называли вождя «богоданным», посланным свыше для нашего спасения. Мой дед говорил, что на имя Сталина будет наложена «печать» последующей властью, так как они «будут бояться его даже мертвого». Вернемся к тексту, ко второму зверю, «вышедшему из земли». Не с небес, где находится царство Вышнего Бога, а из-под земли, где ад и обиталище нечисти, вышел второй зверь.

В русском «Апокалипсисе Ездры» этот зверь дается, как «багряный зверь из бездны». По поводу этого зверя я спросил у деда: «Почему багряный цвет?» На что дед ответил, что степень крови этого «зверя» еще больше, чем у предыду-

щего, то есть советской власти. «А почему зверь из бездны?» Отвечает мне дед: «Бездна – место обитания сатаны. Он выйдет и покажет всю свою силу, на что он способен. Если при «звере из моря» народ «волновался» и все же можно было понять, куда «плыть», то при «звере из бездны» будут царить хаос и неразбериха в душах и сердцах людей, так что будет не понять ничего». Об этом звере читаем в «Откровениях Иоанна Богослова»: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил он как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклониться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела. И творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы, и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их. И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его – шестьсот шестьдесят шесть». Прослушав этот текст, я спросил у деда: «А почему начертание будет сделано именно на правую руку, а не на левую?» Дед ответил: «А потому, что христианин крестится правой рукой, каково же ему креститься с начертанием зверя!»

АНТИХРИСТ. ЗНАМЕНА

Кто же такой, этот самый антихрист? Тот, кто пошел против Христа, против Его заповедей. Если Господь – «...яко Благ и Человеколюбец» и сам человек является любимым творением Господа нашего, то противник Бога как раз и занимается тем, чтобы надругаться над Его любимым детищем. Если человек создан по Образу и Подобию Бога, то для низвергнутого с небес ангела нет ничего более утешительного, чем отыгаться на любимом творении Создателя, на человеке. Совратить, погубить его душу, сбить его с пути истинного, сделать все возможное, чтобы он потерял Образ и Подобие Божье и стал «скот о двух ногах», – вот главная цель гордого и завистливого сатаны. Он пытается «обезличить» человека, вместо данного Богом имени присвоить ему номер, вытравить национальную культуру, заменив на общечеловеческий космополитический субстрат.

Со слов моего деда, Постоногова Ивана Моисеевича, что я записал еще в конце 80-х, вот какие признаки приближающегося «конца света» будут говорить о воцарении на земле антихриста:

1. Хаос, в котором будет сложно разобраться человеку.
2. Люди потеряют всякий стыд и совесть.
3. Явно выражено будет вырождение человека. Мужчины будут похожи на женщин, а женщины на мужчин.
4. Люди будут озлобленные, нервные, взвинченные, взрывные, практически не управляемые.

5. Мировой войны не будет! Будут «локальные» конфликты по всему миру. Перессорятся между собою все народы, все соседи, вся родня, не останется такого двора, которого бы не коснулась эта «духовная» война. Основная война пройдет на уровне души каждого человека. Бесы будут входить внутрь человека.

6. Выйдет на свободу вся нечисть и покажет всю свою силу, на что она способна. Будут гонения и массовые миграции. Много претерпят русские. Будет активно пропагандироваться русофобия.

7. Будет утерян смысл самой человеческой жизни.

8. Землю опутают сети. Будете разговаривать по телефону и будете видеть друг друга (Слова 1987 -1988 года!)

9. Магазины будут переполнены всяческими товарами, чего только не придумают, чтобы удовлетворить любые человеческие «хотения».

10. Денег будет много, но их будет не хватать человеку. Они будут измеряться крупными суммами, не копейками.

11. Вода исчезнет, а вместо воды будет кругом золото, куда не пойдешь, все будет золото (под «водою» следует понимать духовную пищу, а золото – обычная жажда наживы).

12. Все указы и то, что будет подаваться «сверху», будет направлено только против человека.

13. Будет подготовлена почва для единого мирового правителя. Он будет из племени иудеев колена «данова». Он наведет на земле порядок. «Вы сами придете и поклонитесь ему».

14. Жить в таких условиях будет тяжело, невыносимо. Живые будут завидовать мертвым. «Достанется вашему поколению, и совсем не завидую тому, что увидят ваши дети. Особенно запоете и запляшете, когда отменят пенсии». Продлится срок правления антихриста три с половиной года.

Возможно, кому-то покажутся эти прогнозы слишком пессимистичными. Я лично придерживаюсь формулы: «Предупрежден, значит, вооружен». А значит, нужно подготовить свою душу к грядущим испытаниям, чтобы достойно их вынести. Ведь одно утешение и радость, что после антихристового явления обязательно будет пришествие Христа.

Мои родные дед с бабушкой прожили последние два года своей жизни в Заринске, за Барнаулом, у одной из своих старших дочек Веры Ивановны. Баба Стеша умерла на великий православный праздник Троицы в июне 1991 года. Я в то время находился в Артеке пионервожатым и на похоронах присутствовать не смог. В августе этого же года состоялся так называемый «путч», а затем и развал великой страны. Дед Иван пережил бабушку на 11 месяцев. У него было две мечты: отведать напоследок медвежатины и дожить до праздника Великой Победы. С первой мечтой не получилось, а вот вторая сбылась. Мой дед умер 10 мая 1992 года. Его похоронили рядом с бабушкой. Букет цветов, поставленный в банке у могилы, распустился на второй день, и родственники сделали вывод, что потусторонняя встреча родных людей прошла успешно. Упокоились они недалеко от тех мест, где родились.

Сохранилось последнее письмо, написанное Иваном Моисеевичем незадолго до его ухода из жизни. Рука деда была уже не так крепка и с трудом выводила буквы. Он, как и прежде, верен себе и верен Богу. Он пытается и в последние мгновения своей жизни оградить нас, своих близких, от неверных шагов и как бы намечает, показывает, тот путь, которого мы должны держаться:

«Привет из города Заринска.

Добрый день, здравствуйте наши родные Аннушка, Леня и Сережа (мой брат к той поре уже жил в Якутии и потому в письме не упоминается). С большим и горячим приветом к вам тятя и мама. Вот я решил вам еще написать письмо, пока могу. Силы мои исчезают. Скоро пойду домой. Вроде бы и не болею, а по избе с трудом прохожу, и одышка и слабость, так что осталось немного времени. Может, и свидания нам не будет, дак простите нас Бога ради и вас Бог простит да Бога вспоминайте каждый день, потому что осталось времени мало как придет Страшный суд. Тогда не останется, что построено, камня на камне. Живите, будьте смирны и ласковы друг к другу. И еще простите нас грешных и вас Бог простит. Пишите ответ. Мы будем ждать ваших писем. Пока все. Желаем вам крепкого здоровья. Целуем вас».

Я хорошо запомнил заветные слова моего деда: «Бойся Бога, не богохульствуй, не ропщи на Бога». Спасибо, Царствие Небесное Вам, дорогие мои Иван Моисеевич и Степанида Антоновна.

МОЯ РОДНЯ

Ефросинья Ивановна, моя тетушка, как-то сказала о нашей родне: «У нас родни везде понасовано – и в Томске, и в Омске и в других городах». Так оно и есть. Если быть поточнее, то – от Калининграда до Сахалина. В Калининграде остался жить после войны младший брат деда – Павел Постоногов. Наверняка, там живут его дети и внуки.

Под Санкт-Петербургом возле финской границы живет моя младшая тетя – Наталья, по мужу Григорьева. Наталья отлично училась в школе. В старших классах она по путевке ездила в Ленинград и сразу же влюбилась в этот необыкновенный город. Окончив школу, она переехала учиться в Выборг, где вскоре встретила своего будущего мужа Геннадия. Под Выборгом, в Ленинградской области, и живет по сю пору дружная семья Григорьевых. Их дети, Лена и Максим, с семьями живут в Санкт-Петербурге. Растут у них два замечательных внука: Миша и Степан. Там же, в Санкт-Петербурге, живет моя двоюродная сестра и бессменная подруга по детским играм Лариса Моисеева (Васильева), дочка тети Тамары. У Ларисы две дочери – Ксения и Юля. В Санкт-Петербурге учится в Технологическом институте и моя дочка Ярослава.

Дальше всех забрался мой двоюродный брат Володя Зеленков, сын тети Шуры. Он живет на Сахалине. Там же много лет прожили и его родители – тетя Шура и дядя Коля Зеленковы. Однажды они переехали под Барнаул, в город Заринск, где покоятся Постоноговы Иван Моисеевич и Степанида Антоновна. В этом небольшом городке собрались все старшие их дети – Татьяна, Ефросинья, Вера, Анна и Борис.

Старшая моя тетушка по Постоноговской линии, Брызгалова Татьяна Ивановна, рано овдовела и практически одна вырастила двоих сыновей, Николая и Александра. Однако судьба обоих ее сыновей сложилась непросто. Рано ушел из жизни Николай, так и не создав собственной семьи и не родив детей. Александр Брызгалов, второй сын тети Тани, отличался удивительной способностью спланировать и объединять всю нашу многочисленную родню разных возрастов и характеров. Он был ярким, позитивным человеком, вокруг которого всегда орга-

низовывались праздники. Рядом с ним невозможно было оставаться грустным. Он передавал окружающим свою искрометную энергию, которая заставляла всех присутствующих рядом с ним, веселиться, петь песни и пускаться в пляс. Таким и остался Саша в памяти родных. Он ушел из жизни, не дожив и до 50-ти. Остались в Заринске его жена Наталья и дети, Виталий и Анютка. До сих пор живет в Заринске и его 85-летняя мама.

Вторая по старшинству моя тетушка, тетя Фрося, когда-то, в девчонках, очень бойкая и озорная, тоже живет в Заринске. Дольше всех жила она своим крестьянским хозяйством в селе под Заринском, простосердечно оделяя свою многочисленную родню гостинцами со своего хозяйства. Незадолго до смерти мужа, дяди Вани Кирлана, переехали они в Заринск. Старший сын ее, Николай, остался в Казахстане. Он отработал 20 лет на автобусе, а потом они с женой Светой открыли СТО и автомагазин. Сейчас он достаточно успешный бизнесмен. Вторым сыном, Сергей, живет в Республике Коми. Тяжело погибла ее младшая дочь Ольга. И сейчас тетя Фрося живет с ее дочерью, своей внучкой Яной, сын Ольги, Иван, сейчас студент и учится в Барнауле.

Когда я приезжаю к родителям, мы собираемся с родней. В одной из непростых застольных бесед моя третья по старшинству тетушка Вера Ивановна, когда-то самая красивая из всех сестер, рассказала мне о своей непростой судьбе. Долгое время они с первым мужем прожили в Малеевке под Зырянском. Родили четырех детей: сына Василия, красавицу Шуру и двойняшек – Федора и Володю. Короткий век оказался у дяди Геры, ему было около пятидесяти лет, когда он скоропостижно умер в больнице. Осталась тетя Вера одна с четырьмя детьми. В Малеевке она повстречалась со своим вторым мужем – Алексеем Юсуповым. Расскажу немного о его судьбе. Где он родился и кто его мать, он и сам не знает, а вспоминает о ней, скрипя зубами: «Ходила она по подворотням, высматривала, куда бы меня, новорожденного младенца, выкинуть. Старая хромая татарка увидела ее и взяла меня жить к себе. А жила она в крохотной будке – два на два метра, вместе со своим стариком, здесь же принимали плату за какие-то услуги, окошечко небольшое было для этого. Так я у чужих людей, в этой будочке, и вырос. И фамилии настоящей своей у меня не осталось, ношу фамилию своей сродной матери бабки-татарки – Юсупов». Один эпизод, свидетелем которого стал дядя Леша, никак не выходит у меня из головы. Было это во время войны где-то на Урале. В ту голодную пору по окраине городка пошли потоком крысы, огромной бурлящей лавой. И вот пастух на коне, хвастая перед односельчанами, сказал, что сейчас разгонит эту свору, и кинулся на коне в самую гущу крысиного моря, помахивая бичом. Не успел смельчак заскочить в середину потока, как его конь поскользнулся на крысе и упал. В тот же миг забурилась крысиная река, будто в водоворот, втянув всадника вместе с конем. В считанные минуты от этих двух существ остались одни скелеты. Такая страшная история произошла на глазах дяди Леши.

Мои мама и папа в конце 90-х тоже переехали в Заринск, поближе к родне. Они живут в большом частном доме в пригороде Заринска. И, казалось бы, за пятнадцать лет уже обжились они на новом месте, но сердце их по сей день болит о Ново-Тимофеевке, где прошла большая и самая счастливая пора их жизни. Там родились и выросли дети, появились внуки, там были настоящие друзья и любимая работа, которой были отданы самые яркие годы жизни. И когда бы мы

ни позвонили родителям, главный вопрос: «Какие новости в деревне?» Видно, так и будет их душа неразрывно жить с родным селом на берегу Бухтарминского водохранилища. Мой родной брат Володя живет с 1984 года в Якутии в городе Нерюнгри. Он вырастил двоих детей – сына Сергея и дочку Алену. Теперь Алена живет в Новосибирске. Сергей Комов, мой племянник, живет в Нерюнгри.

Борис Иванович Постоногов, пятый по счету и старший из маминых братьев, когда-то друг и сподвижник моей мамы по детским шалостям, тоже живет в Запорожье. В молодости очень красивый внешне, он много раз пытался найти свою половинку. Он не раз женился и расставался с женщинами. Нашел же он свою судьбу, уже перешагнув 40-летний рубеж. Его жена Света моложе мужа почти на четверть века. У них богатый дом, крепкое хозяйство, в котором руками дяди Бори все мастерски сделано. Он, как и его отец, Иван Моисеевич, имеет золотые руки, практическую хватку и деловую смекалку. Живет он вдвоем со своей молодой женой в доме, который смело можно назвать «полной чашей», душа в душу.

Семья Васильевых последней из Постоноговского рода покинула Мариногорку, где долгое время жила их большая, дружная семья. Тетя Тамара Васильева похоронила дядю Лешу в 2012 году. Сейчас она живет в Горно-Алтайске вместе с сыном Николаем и его семьей. У Коли с Татьяной трое прекрасных детей: Алексей, Наталья и Елена, есть два внука. С Ларисой, с юных лет уехавшей к своей младшей тетушке Наталье в Санкт-Петербург, родственники видятся не очень часто. Также болезненно они говорят о родной Мариногорке, которая из цветущего села пришла в полное запустение, оставив на сердце всех жителей, ее горячо любивших, неизгладимый шрам.

Дядя Петя Постоногов, мой любимый дядька, сейчас живет с женой под Красноярском. Там же, под Красноярском, неподалеку от отца живет с семьей его сын Вячеслав. Слава, также как и его отец в прошлом, работает на тракторе «К-700». Он получил музыкальное образование, здорово играет на баяне и вместе с женой Людмилой поет в народном ансамбле. Старший сын Вячеслава, Петр, уже отслужил в армии, младший, Иван, еще учится в школе.

Из большого рода Постоноговых в Восточном Казахстане остались только трое: дядя Вася Постоногов, Николай Кирлан и я.

В Усть-Каменогорске живет дядя Вася, девятый по счету ребенок Постоноговых и самый младший брат моей мамы. В свое время отжил и работал в Якутии (именно к нему и поехал искать свое место под солнцем мой брат Володя, когда отслужил в армии). В Якутии, в Нерюнгри, дядя Вася жил со своей женой, тетей Людой, и двумя детьми – Мариной и Игорем. Однако что-то не сложилось в его семейных отношениях и вернулся мой дядька на родину, в Восточный Казахстан. Здесь у него теперь другая семья. Его первая семья так и живет в Якутии, дети уже выросли, создали свои семьи и растят своих деток.

Живу в Казахстане, в городе Риддере, и я со своей семьей: женой Натальей и сыном Дмитрием. Старшая наша дочь Ярослава, по примеру Натальи и Ларисы, переехала в Питер, где мои родственники ее очень тепло приняли. Наталье, младшей из рода Постоноговых, первой пришлось обживаться в незнакомом краю. Теперь же она, как самая старшая в петербургской ветке постоноговской семьи, действительно крепко спланирует и объединит молодые побеги своего рода вокруг своего очага, делая их по-настоящему дружной семьей.

О своей родне со стороны Комовых тоже расскажу по порядку. Старшая моя тетя Тамара уехала из Алма-Аты в Томск, где вскоре умерла. Еще раньше умерла ее дочь и внук, а после матери умер сын. Не осталось от этой ветки никого.

Дядя Саша, старший брат отца, умер самым первым среди Комовых, нет в живых и его сыновей Сашки и Бориса. Одна Татьяна из их семьи оставила потомство – сына Игоря.

В Алма-Ате похоронен мой любимый дядя – Комов Григорий Григорьевич. Две его красавицы-дочери с семьями, детьми и внуками живут там же, в южной столице. Младшая сестра отца, Галина, из Алма-Аты переехала в Россию и живет вместе с дочерью Леной в Новосибирске, там, откуда когда-то переехали в Казахстан мои предки. У Лены хорошая семья, двое взрослых сыновей. В Восточном Казахстане, в Самарке, живет тетя Вера. Ее дочь Люба после окончания школы уехала в Риддер, закончила училище, и долгое время проработала на трикотажной фабрике. Она вышла замуж за Николая Турова и долго жила с семьей в однокомнатной квартирке малосемейного общежития. Моя сестра с удивительным терпением принимала всю нашу родню, давала приют всем родственникам, которые в нем нуждались, обустроивала, поддерживала, изыскивала средства помочь, зачастую отрывая от себя последнее. Она не потеряла своего добродушия и отзывчивости и сегодня. Трагически закончилась жизнь ее первого мужа, Николая Турова. Он прожил всего 34 года. Его сыну, моему племяннику Володе Турову, уже 32 года. Крепкий, симпатичный парень, взявший себе много от характера отца и матери. Его сыну Никите уже 5 лет. Второй муж Любы, Александр Куликовский тоже порядочный и надежный человек. Поработав на шахтах и стройках страны (Акбакай, Зарафшан, Алтынтапкан, БАМ, Днепропетровск и многих других), он совершенно не умеет сидеть без работы. Находясь на пенсии, он с нетерпением дожидается весны, чтобы уехать в нашу родную деревню, где остался дом тети Веры, в котором каждое лето живет семья Куликовских. Поднимаясь на рассвете, он целый день трудится по дому. Вокруг его дома – розы, виноград, деревья.

Там же, на нашей малой родине, в селе Ново-Тимофеевка постоянно живет моя тетушка Надежда с сыном Валерой, который вырастил в Алматы двух сыновей, но не сумел сохранить семью. В 2002 году он вернулся на родину, купил дом и живет в нем вместе со своей уже старенькой мамой. Дочь тети Нади – Наталья Черкашина (Комова) живет на севере, неподалеку от Сыктывкара, в городе Усинске. У нее три дочери, которые успешно вышли замуж и растят детей.

Живет в Ново-Тимофеевке и младший брат Любы – Евгений с женой Галей. Его взрослая дочь от первого брака Вика родила ему внучку и живет в Усть-Каменогорске.

Бутрины, Виталий и Света, живут неподалеку от Донецка, где идет война. Анатолию Бутрину повезло больше – он уже много лет живет на севере, в городе Дудинка.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

На песчаном взгорье, обильно заросшем духмяным чабрецом и полынью, в версте от Ново-Тимофеевки, расположилось уютное кладбище. Спят мои земляки в родной земле. Отпылали их земные рассветы и закаты. Я всегда стараюсь по-

бывать здесь на Родительский день, что отмечается вскоре после Пасхи. В этот день съезжаются сюда мои односельчане, все, кто может: едут из деревни, приезжают из далеких мест, чтобы навестить своих родных.

Заранее мои земляки готовятся к поминальному дню. Обычно за день до Радунницы едут сюда на мотоциклах, на машинах мои односельчане, чтобы поправить родные могилки. Красят памятники, вырывают траву и уносят ее за кладбищенскую ограду. Облагораживается, оживает в эти дни кладбище. Ухаживают даже за теми могилами, к которым уже никто не придет. Поминают забытых односельчан, никого не оставляют без внимания. Дружное у нас село.

Много лет назад, еще в начале 90-х, помнится, я красил оградку своей бабушки Анны Сергеевны. Как умел, стараясь как можно ровней, выводил на памятнике инициалы и даты рождения и смерти. По соседству поправлял могилу своей бабушки Парфеновой Александры Прокопьевны мой друг Галкин Александр. Великан двухметрового роста, он неторопливо вырывал траву, и мы вели добрую беседу, вспоминая родных. С присущей молодости бесшабашностью я озабочился вдруг, что кладбище быстро «заселяется» и хватит ли нам места в родной земле? Отец, услышав меня, сделал замечание, что не стоит на кладбище говорить об этом, да и незачем торопить события – всему свое время. Между тем из села подъезжали односельчане. Выше всех на голову шли Лопаткины, Михаил и Андрей, дядька с племянником, казачья кровь. Поздоровались, стали поправлять могилы родных. Плешкаев дядя Витя, как обычно, был уже в добром подпитии. Высокий, безобидный, громкоголосый мужик, он, молча, присел у могилы матери. И, не скрывая слез, тихо плакал, вытирая глаза грубой ладонью. Его жена и дочь прошли по кладбищу, тоже навели порядок на могилках своих родных.

К вечеру, когда уже не осталось никого, мы бродили с отцом по неровным тропинкам родного кладбища. Я всегда любил эти минуты, когда в душе возникает особое молитвенное чувство причастности к родной земле, к родным и близким, и возникают только глубокие серьезные чувства, всколыхнувшиеся из самого сердца. Сколько здесь Прасковий, Пелагей, Варвар и Аграфен! Все вы вынесли на своих плечах – и войны, и голод, и коллективизацию, и вдовью долю, и ушли, достойно прожив свой век!

Жаворонки наперебой поют над нашей степью. Тепло, тихо и безветренно. Проходя между могил, отец рассказывает мне об односельчанах, о наших земляках. Мы дошли до самого края, откуда начиналось кладбище. Первым похоронен здесь был чистоярец Сенотрусов Иван Константинович, еще до затопления, в 1957 году. Говорили, что их предки с самим Ермаком пришли в Сибирь, сильно гордились своим казачьим происхождением. Это у них в Чистом Яре красные на штыки подняли младенца в братоубийственную войну. Потом Сенотрусовых раскулачили. Был Иван Константинович знатным чеботарем, искусно шил обувь. А больше всего на свете любил Иван Константинович лошадей и до старости был с ними рядом, упросил, чтобы конюхом его поставили. Так и работал до старости с конями. Знал казахский язык и много имел друзей казахов. А еще он был большим мастером придумывать сказки, сам сочинял их невероятное количество. А умер Иван Константинович в апреле, на Пасхальной неделе – хорошо отметил он Великий праздник, поспал под кустом и, видимо, остыл, после чего вскоре умер. Рядом с ним могила Затеева, сарабельца. Говорили, что нередко пьяненьким ходил этот мужичок и прямо возле сельсовета попал под машину.

На лошади тогда привезли его сюда хоронить. Ближе к середине кладбища – Столяровы, Бутины, Шульгины, чьи предки приехали сюда с Бийской казачьей линии, лежат они здесь целыми семьями. Тут и потомки кубанских казаков – Галкины, вначале сам Порфирий Петрович. К середине – Иван Порфирьевич, а дальше трое детей Ивана Порфирьевича, трагически ушедшие из жизни. Тут и Вязигин Василий Федосеевич, хлебнувший горя в братоубийственную гражданскую войну. Лежат в сырой земле казаки Вязигины, Зайцевы, Поповы, а также Руденко и Юрченко, появившиеся в краю незадолго до революции. Всех примирила родная земля, родина наша. Есть на нашем кладбище и могила Попкова, что воевал партизаном у легендарного Ковпака. Отец рассказывает, что однажды зимой моя бабушка проснулась на странной вой собаки и вышла на улицу. Была вьюга, и сквозь снежную пелену слышала из-за околицы человеческий стон – там замерзал человек. Это был Попков. Она спасла его и продлила этим его земные дни. Подошли мы с отцом и к могиле Митрофанова Федора Васильевича, который в день моего рождения отплясывал так, что потерял каблуки. А это Тишин Михаил Тимофеевич. Его молнией убило в 1987 году, неделю еще он прожил после удара молнии. А у могилы Подзорова Алексея Осиповича отец заулыбался, вспомнив, как прозывали в народе этого человека. Поплавки на сеть он называл «колтыхало». Так его самого и звали мужики Колтыхало. Уже вечерело, когда мы с отцом поехали домой.

В Родительский день, уже с самого раннего утра, кладбище оживало. Десятки машин и мотоциклов стояли возле ограды. Женщины в строгих платках и косынках ходили по «улочкам» родного кладбища, угощая друг друга поминальными гостинцами. Тут и сдоба, и конфетки, и вафли, и разноцветные пасхальные яйца. Все заранее приготовлено и разложено по мешочкам. Не забыты и мертвые, у каждого на могилке или на памятнике лежат «поминушки» – пасхальные яйца да конфетки, да булочки, а некоторым и чарки налиты, кто при жизни любил выпить. Мужики по большей части крепким поминают родных и земляков, у многих прямо на столиках перед оградкой стоят распотытые поллитровки – подходи, поминай нашу родню. Чинно и благородно празднуется помин. Солнышко во все небо светит. Бухтарма пересыпается солнечной рябью. Жаворонки не унимаются, восхваляют Божий мир.

В один из таких Родительских дней, который мне запомнился больше всего, сельские бабушки стали петь церковные песни. Они ходили по рядам между могилами и пели слова пасхального праздника: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробе живот даровав». Какая это была радость! Как они сумели сохранить эту немеркнущую красоту в глубинке, вдали от храмов, в глухую атеистическую пору! Шли они, изредка останавливаясь по чьей-нибудь просьбе, поворачивались к могилочке, и пели. Процессию возглавляла дородная бабушка Здор Мария Григорьевна. Ей помогали ее подруги – бабушки Потянова, Плешкаева, Чикеева, Галкина. Иной раз им тоже подносили поминальную чарочку. Кто-то из старых людей подпевал тоже. Пока пели бабушки, Боря Щербаков, а попросту «Щербак», залетный прижившийся в селе мужичонко, женатый на нашей Зинаиде Плешкаевой, успел обойти все кладбище по нескольку раз. Хоть и не было у него на этом кладбище кровной родни, от поминушек он не отказывался и опрокидывал чарку за чаркой, где только подавали. Хорошо набравшись, он подошел к Балахонову Анатолию, что разговаривал с Шиловым Володей и

протянул руку за очередной чарочкой. Видя его «готовое» состояние, шутя ему подали стопку с водой, он выпил ее, даже не заметив подвоха, и пошел дальше. Щербак, был безвредным, но порой назойливым, когда ему нужно было выпить. Говорили, что в Родительский день он, бывало, забирался в гущу разросшихся деревьев и оставался отсыпаться прямо на кладбище. Так и спал среди могил. Все остальные односельчане, благочинно отметив праздник, отправлялись в село. Так проходил Родительский день в нашем селе.

Многие мои земляки с той поры заняли свои места на этом уютном сельском кладбище. Умерли почти все певчие того незамысловатого деревенского хора. Погорел в доме от непотушенной сигареты дядя Витя Плешкаев и умер на крыльце, едва сумев выползти. Пропал в странствии безалаберный Щербак, а Зинка его вышла замуж за другого залетного, добряка, «каторжанина» Валерьяныча. Переместились дружно, по-соседски, с Береговой улицы на верхний край кладбища мой брат Борис и баба Вера Бутина, по соседству их могилы.

Давно еще, буквально за день до смерти, тетя Мария Здор оставила моей маме небольшую молитву, которая досталась и мне.

«Матушка Пресвятая Пречистая Богородица, защити, закрой нас, грешников, своим Пречистым Покровом во искушение нашей души, при смертном часе, на будущем веке, на Страшном суде. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

БАРЖА «ОДЕССА». МГНОВЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Всего один раз было у меня в жизни такое мгновение. Нежданно и явно не без Божьего участия. Сколько раз я проезжал по этому месту, сколько плавал я по родной Бухтарме, а подобного никогда не испытывал за все свои сорок восемь лет земной жизни. Смогу ли передать свои ощущения? По крайней мере, постараюсь.

Я возвращался домой из Зырянновска, торопился успеть на Васильевскую переправу. На этой переправе уже с давних пор вместо парома ходит баржа «Одесса». Старый большой паром уже много лет как откочевал на Курчумскую переправу. Я «Одессу» помню еще ребенком. Часто она заходила в наш чистоярский затон. И мы, мальчишки, всей оравой бежали к ней, зная, что если хорошо попросить команду, нам разрешат понырять с этой баржи. Нырjali с бортов, а смельчаки прыгали «щучкой» даже со второго этажа. Не помню, чтобы кто-то в ту пору сорвался с нее, оцарапался или ушибся. Все были счастливы этим незатейливым развлечением. С детством ли связано или с доброй советской порой, но именно «Одесса» всегда вызывала во мне теплые воспоминания.

С тех пор, как мне пришлось переправляться на «Одессе» с одного берега на другой, почти всегда я успевал на нее в последнюю минуту. Зная про таких, как я, вечно торопящихся куда-то и всегда опаздывающих, на пароме было заведено правило – поджидать лишних пять минут и лишь после этого отправляться. В облаке дорожной пыли я, как шальной, выскакивал из-за горки на своей «Тойоте» и въезжал на палубу старого судна перед самым отплытием.

Помню, как однажды на последнем вечернем пароме я переправлялся со стороны Большенарыма на свой берег. Стоял летний удивительный вечер. На море был штиль. Рыжая огромная луна висела над кормой. И вот включили хорошую лирическую музыку, которая отлично сочеталась с романтическим настроением

и этим незабываемым вечером. Потом из рубки кто-то ясно попросил по имени не то Марину, не то Марианну «зажечь». Через мгновение девушка оказалась на самом верху, на капитанской рубке, и плавными движениями станцевала нежный, чистый и пластичный танец. Она плавными движениями передала то, что не договаривала музыка, заполнив до самого края этот чудесный летний вечер. Действительно «зажгла». Не было света, и нельзя было рассмотреть ее лица, но она стояла в самом центре луны и великолепно двигалась. Было в этом танце что-то необыкновенное, завораживающее, и я даже предположить не мог, что танец может так трепетно тронуть душу. Это был незабываемый вечер на Бухтарме.

И все-таки самое яркое мое переживание в жизни произошло не тем летом, а промозглой осенью на той же самой «Одессе». Природа уже жила в предчувствии зимы. Навигация подходила к концу. И это, по-видимому, был один из последних рейсов баржи. Я возвращался домой из Зырянска. На палубе было всего несколько машин. Было сыро и серо кругом, волны, тучи и беспросветное небо. Во мне клокотала и рвала душу на части необъяснимая, гремучая, цепная тоска. Я вошел в холодный кубрик, где располагалось кафе, и заказал чашку кофе и лепешку, которую тут же испекли. На железных стенах и потолке висели капли конденсата, как в непротопленной сырой бане, и создавали еще больший внутренний уют. Несколько минут я сидел над чашкой и грел руки, держа в ладонях толстую горячую лепешку. В тот момент, когда я разломил ее, вдруг сама по себе распахнулась железная дверь каюты, и мне открылось огромное пространство Бухтармы. Мощный солнечный луч, отвесно пробившись сквозь тучи встал золотым столбом, соединив небо и землю. Поток изумительного, яркого света заполнил всю ширь, осветив пространство до самого Алтая. А там, где воды коснулся солнечный поток, она становилась зеленой, перекипала белыми бурунами волн, радовалась и играла на солнце. Вмиг ожила вся природа, десятки верст до самого Большенарыма преобразились этим светом. Ощущение полноты жизни и всеобъемлющего счастья охватили мою душу. Неимоверная легкость бытия, восторг существования заполнили меня всего. Торжество света и красота Божьего мироздания в одно мгновение поразили меня, сделав сопричастным этой красоте. Я был крохотной частицей одного великого бесконечного целого живого организма. Я был счастлив! И даже когда луч потух и кто-то закрыл дверь, во мне еще осталось то яркое чувство, которое я пережил. Словно кто-то приоткрыл дверцу в рай, дав мне на мгновение туда заглянуть. Всего лишь – разломил лепешку, и приоткрылась дверь... Чудо! Такое со мной было единственный раз в жизни, подобных ощущений ни до того, ни после я не испытывал. На родной берег я приплыл уже другим человеком.

1989, 1990, 2010 – 2016 г.

